

№ 115 (124)
январь-март 2024

Издаётся с января 2006 года.

ВЕСТНИК АНТОНИЕВСКОГО ХРАМА

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ ХРАМА ВО ИМЯ СЯТИТЕЛЯ АНТОНИЯ (СМИРНИЦКОГО)

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО СЕРГИЯ МИТРОПОЛИТА ВОРОНЕЖСКОГО И ЛИСКИНСКОГО
ВЫХОДИТ ДЕВЯТЬ РАЗ В ГОД. ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ ИЗДАНИЯ ДОСТУПНА ПО АДРЕСУ: www.snt-antoniush.ru

ОТ РУСИ – ДО РОССИИ, ОТ СЕРДЦА – ДО БОГА

*От звезды Вифлеемской струится дорога.
На Земле торжество – день рождения Бога.
День рождения каждого, кто родился,
кто любовью живёт и любовью крестился.
И струится роса от звезды Вифлеемской
по дороге Рязанской, дороге Смоленской,
и – в деревню мою, в мои тёплые сенцы.*

*И впадает в глаза мои, в кровь мою, в сердце.
И, впадая, влечёт за собой мою душу.
Вижу маму, крылечко, рябину и грушу...
На берёзе трепещет снегирь, как сердечко,
юный тополь луны примеряет колечко.
Так иду я, иду этой светлой дорогой
от Руси – до России, от сердца – до Бога.*

Евгений Юшин

ПАДУТ ОТРЕКАЮЩИЕСЯ ОТ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ

Из года в год Рождество Господа нашего Иисуса Христа наполняет душу радостью духовной, потому что оно стало исполнением обетований и надежд, данных Богом людям. Потому что Иисус Христос – это Истина. Потому что Иисус Христос – это Жизнь. Потому что Иисус Христос соделался дверью в Рай. Только Им мы спасёмся.

Христос сошёл с Небес, чтобы мы вышли Ему в сретение – делаем добродетелей, ведущих к совершенству. Итак, будем всегда иметь в сердцах этот священный трепет, который испытывали волхвы, шедшие поклониться Спасителю, неся дары Соделавшемуся Человеком для того, чтобы мы обожились верою и делами нашими.

Знайте, что только Христос – спасение. А ко Христу приходят только Православием. Не давайте же обмануть себя всем безумствам мира,

обрушивающимся на нас через телевизор, газеты, политиков и даже некоторых служителей алтаря, сбившихся с правого пути.

Будьте очень внимательны, ибо подвергаете опасности свою жизнь вечную. Дьявол с плугом и бороной распахивает весь мир, чтобы с корнем вырвать из него естественное и сделать мир гладким, единообразным, перемешивает его, чтобы не осталось более Веры истинной. А без Истины победителем вышел бы отец лжи, нечистый. Однако мы знаем, что этого не случится, ибо Церковь не будет одолена даже вратами ада.

Итак, падут только прельщённые, отрекающиеся от Православной веры, от своего рода, от традиции, отрывающиеся от своих Божественных корней и бросающиеся в басни, в мечтания.

Будьте же внимательны, ибо не одни священники должны печься о вас. Священник тоже может обмануться. Различайте же духов, братия!

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь Бога Отца и причастие Святого Духа да будет со всеми вами! Аминь.

Архимандрит Иустин (Пыреу)

ЧТО НАМ СТОИТ ДОМ ПОСТРОИТЬ

Наш духовный дом строится трудно и медленно, его стены часто обрушиваются, незавершённое строение некрасиво, а завершению работ не видно конца... Это происходит именно потому, что мы строим его абы как и сикось-накось, по принципу «и так сойдёт», словно строим не для себя... Мы допускаем грубейшие ошибки в планировании, не соблюдаем технологии при возведении строения.

И души наши, охваченные одним взглядом, возможно, похожи на недостроенный дачный городок, где куплена земля и начаты работы, но ни один домик не доведён до ума. Там нет крыши, и отсырели стены. А вот там – ночуют бомжи, и выбиты стекла. Ну, а там из фундамента выросло дерево, и стены подняты лишь на локоть...

Спасение – не такое уж простое дело, и глубоко не правы протестанты, в своём благодущии убеждённые, что сам факт прихода людей ко Христу через веру делает их раз и навсегда спасёнными.

Этот образ строящегося дома присутствует не только в Писании, но и в святоотеческих творениях. Авва Дорофей, к примеру, подробно останавливается на этом образе тоже. Он говорит о полагании фундамента, каковым является беспримесная апостольская вера. Затем наступает черёд возведения стен. Стены складываются из кирпичей. Кирпичи – добрые дела, совершённые ради Господа, и исполнение заповедей. Простил обиду – положил кирпич. Сдержал гнев и не дал развязаться зачесавшемуся на зло языку – положил ещё кирпич. Помолился внимательно и от сердца – ещё кирпич. Чтобы кирпичи держались друг друга, нужен цемент. Цемент – это смирение. Гордо совершённые добродетели рано или поздно рухнут, словно кирпичи, не держащиеся один за другой.

Кирилл Куселев. Утро.

Такое строительство духовного дома продолжается долго. И наконец, когда стены возведены и не падают, можно покрывать дом крышей. Крыша – это любовь, она же и венец всех добродетелей.

Трудно сказать, на какой стадии находится наш бесценно важный строительный объект. У кого-то выросли стены. У кого-то только положен фундамент. Но с крышей точно проблемы у всех. А у некоторых проблемы, быть может, даже с основанием.

Гордиться особо нечем, а труды всех нас ожидают немалые. Посему стоит подумать об убегающем времени и о жизни, стремящейся на встречу с Воскресшим Господом. Это Он будет принимать нашу работу. И не только принимать работу, но и поселиться захочет в сооружённом жилище, поскольку сказано: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» [Откр. 3, 20]. Стыдно будет предоставить Господу недостроенное и не украшенное жилище без крыши, не могущее укрыть путника ни от дождя, ни от зноя!..

Протоиерей Андрей Ткачёв

НЕБЫВАЛЬНЫЙ КОВЧЕГ – КОРАБЛЬ СПАСЕНИЯ

* * *
Что теперь от знамён и империй
мне осталось? Ветла да жнивья,
да чащоба, да тропочка зверья,
да кладбище, где всё родовья.
Огородик, изба да поскотина,
неудобья, окраина... Впредь –
это, люди, и есть моя Родина,
за которую мне умереть.
Умереть?.. Я возьму завтра в руки
всё наследство да дедов топор,
да молитву у древней старухи,
да пойду на соседний угор.
И покуда в уме да во здравии,
да крещёный, как есть, человек,
заложу для остатков Державы я
небывальый доселе ковчег.
Всё возьму я. Но Веру и славу
во главу я поставлю угла,
чтобы крепко стояла Держава
и сияли её купола!

Геннадий Ёмкин

Первая неделя Великого Поста – Торжество Православия

Многие святые отцы сравнивают Церковь с Кораблём спасения, плывущим по бурному житейскому морю. Паисий Святогорец говорил об этом так: «Церковь – это корабль. Кто-то может на нём спать, кто-то ничего не делать, кто-то бороться с волнами. Но он всё равно продолжает свой путь, и вместе с ним плывут вперёд и все пассажиры».

Икона «Корабль спасения» в русском варианте именуется «Таинственный Образъ Святыя нашае Церкви (Православной)». Она находится в монастыре Зограф (болгарском) на Святой Горе Афон. На иконе в Корабле спасения с надписью: «Святая Православная Церковь» по Небу плывут Господь Иисус Христос (кормчий с веслом), Пресвятая Богородица, апостолы (шестеро, из них слева – евангелисты) и святые отцы (также шестеро, в центре – три святителя). Апостолы Пётр и Павел держат якорь. Над белым парусом с крестом-распятием изображён Дух Святой в виде голубя, нисходящего на тех, кто находится на борту. На иконе мачта корабельная символ креста, а Крест – символ спасения, победы Жизни над смертью, добра над злом. Не утихает бурное волнение, одна за другой накатывают волны в житейском море. Конечно, человек и сам должен сопротивляться тревогам, страхам и жизненным трудностям, но именно Корабль Церкви даёт нам возможность обрести надежду на спасение и помощь в этом плавании.

Снизу, с земли и из ада лодку пытаются остановить, повредить. Среди противников спасения Антихрист со своим войском, мучители-правители, лжепророк и лжепатриарх, отпавшие от Церкви, в числе их Лютер и римский папа, злое сборище еретическое и, рядом, бесы. В правом нижнем углу красное чудовище – огнедышащий дракон с разверстой пастью – дух мира сего, ад.

На корабле современности, пассажиры, конечно, разные, но если это Корабль спасения, то их объединяет общий курс – стремление жить по евангельским заповедям, хранить Христову веру и помогать спасаться другим. И какие бы бури ни застигали их в пути, они точно знают: их корабль непотопляем! Всех зовёт Господь наш Иисус Христос на Корабль спасения. Некоторые люди полагают, что можно верить и совершать добрые дела, а в храм не ходить – и надеяться на спасение души. Но много ли шансов спастись у тех, кто решил переплыть море в одиночку на маленьком плоту? Такое удавалось немногим. На корабле – гораздо надёжнее. Церковь – такой корабль, она даёт нам духовные силы и необходимые средства для спасения: возможность исповедоваться и приобщаться Святым Христовых Таин. Только в храме через Причастие мы становимся единым целым с Самим Господом. Размышляя о роли Церкви в жизни человека, Паисий Святогорец заключает: «Главное – находиться внутри Церкви. Старайтесь не пропускать Богослужения».

Сегодня нелёгкие времена, военные; в море информационном кипит шипящая пена, громоздятся валы ненависти и обвинений в адрес России. Веру Православную и Русский мир мы сохраним, опираясь на Божье Слово. Обслуга олигархических кланов, безжалостно выбивая тех, кто ей противостоит, и принижая интересы нашей страны и достоинство её защитников, продвигает свои цели открыто и исподволь, чужими руками и недостойными средствами. Мы же, сильные отчей верой и верностью, будем укреплять наши духовные «опорники», действуя стремительно, слаженно и неожиданно для противника. Да не пойдут прахом подвиги многих в этой борьбе! Будем помнить в трудный час: Господь рядом, мы – едины. И Церковь – Корабль нашего спасения.

БОГ БЛАГОСЛОВЛЯЕТ ПРАВЕДНУЮ БРАНЬ

Святые отцы о ратном подвиге

Существование современного жителя России нарушено вторжением в наш привычный обиход новых военных реалий, обстоятельств, понятий. Многое меняется в сознании, в оценке текущих событий. Как отнестись православно человеку к происходящему? Святоотеческая похвала воинскому служению даёт правильное направление размышлениям. Просто вдуваемся в слова наших духовных отцов.

Вот как в посланиях **Апостола Павла** различные черты воинского служения используются при описании той духовной борьбы, к которой призван каждый последователь Иисуса Христа: «Станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскалённые стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» [Еф. 6, 14-17]. В духовных поучениях раннехристианского священномученика Иустина Философа и христианского священномученика III века Киприана Карфагенского также во множестве присутствуют различные военные аналогии и образы, в частности: все христиане именуются воинами Христа, Сам Христос – полководцем, Таинство Крещения – присягой, Церковь – военным лагерем Господа.

Касательно нравственной и этической сторон ведения войны, а также о героических подвигах воинов-защитников высказался в «Послании к монаху Амуну» **святитель Афанасий Великий**: «Убивать непозволительно, но истреблять неприятеля на войне и законно, и достойно похвалы; поэтому отличившиеся в бранях удостоиваются великих почестей, и им воздвигаются памятники, возвещающие об их заслугах».

Наше Отечество, из века в век вынужденное защищать свои пределы и Православную Веру, тоже не оставалось без пастырских наставлений.

Так, **святитель Макарий Московский (1482-1563)** в пастырском послании Иоанну Грозному и его войскам,

находящимся на тот момент в походе на Казань, призывал царя «со всем своим христоролюбивым воинством хорошо, храбро и мужественно подвизаться с Божией помощью за святые Божии церкви и за всех православных христиан – против супостат, изменников и отступников, всегда проливающих кровь христианскую и оскверняющих и разоряющих святые церкви».

Святитель Филарет Московский (1782-1867) писал: «Бог любит добродушный мир, и Бог же благословляет праведную брань. Ибо с тех пор как есть на земле немирные люди, мира нельзя иметь без помощи военной. Честный и благонадёжный мир большею частью надобно завоевать. И для сохранения приобретённого мира надобно, чтобы сам победитель не позволял разжечь своему оружию».

Война – страшное дело для тех, которые предпринимают её без нужды, без правды, с жадною корысти или преобладания, превратившейся в жажду крови. На них лежит тяжкая ответственность за кровь и бедствия своих и чужих. Но война – священное дело для тех, которые принимают её по необходимости – в защиту Правды, Веры, Отечества.

Люби врагов своих, сокрушай врагов Отечества, гнушайся врагами Божиими. Находясь целую жизнь под защитой законов и правительства, воспользуясь случаем быть хоть единожды защитой законов и правительства. Не страшись опасностей, подвизаясь за правду: лучше умереть за неё, нежели пережить её. Искупил своей кровью для потомков те блага, которые кровью приобрели для тебя предки. Если ты уклонишься от смерти за честь Веры и за свободу Отечества, то умрёшь преступником или рабом. А если умрёшь за Веру и Отечество, – то примешь жизнь и венец на небе [об Отечественной войне 1812 года].

Если приятно бодрствовать и трудиться для блага и спокойствия семейства: как должно быть вождельно стоять на страже и в подвиге, для спокойствия и безопасности Отечества! Земная жизнь даётся человеку

Степан Гилёв. Илья Муромец перед бел-горюч камнем. Выбор.

на время; и у многих время берет её обратно даром. Какое же преимущество – обратить жизнь свою в талант, ...сделать жизнь свою священною жертвою верности и любви к ...Отечеству, приблизиться чрез самопожертвование к высшей степени святой любви, по суду Самого Небесного Судии: «Большая сея любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя» [Ин. 15, 13]. Наша любовь к Отечеству должна простираться до готовности положить за него жизнь свою.

Святитель Иннокентий Херсонский (1800-1857), великий проповедник и участник обороны Севастополя во время Крымской войны 1853-1856 гг., писал: «Истинный ратник Христов тот, кто кроме оружия земного имеет и оружие Божие – Веру живую, упование твёрдое, любовь нелицемерную к правде».

Теперь, благодаря Севастополю, весь свет снова изучил забытый было им урок 1812 года; и знает твёрдо, как дорого приобретается неприятелем каждый шаг на земле Русской. Можем указать ещё на большее, что приобрели мы от патриотического упорства нашего при защите Севастополя, ...где пала едва не вся рать гордой и надменной Британии, и обнаружилась перед всем светом не только слабость её в силах военных, но и немощь в образе внутреннего управления...

Хвала и честь вам, христоролюбивые витязи! Вы сделали всё, чего требовал от вас долг любви к Отечеству, сделали более, нежели сколько можно было ожидать от обыкновенных сил человеческих, явили чудеса неустрашимости и самоотвержения. За всё сие примите полную и совершенную благодарность от имени земли Русской и от лица святой Церкви Православной! Та и другая величаются вашим подвигом, благословляют ваше мужество и молятся о вас, живых и умерших! Хвала и честь вам, защитники Севастополя!»

Святитель Игнатий (Брянчанинов, 1807-1867) в письме Н.Н. Муравьеву-Карскому, Кавказскому наместнику, участнику Крымской войны, предварил своё благословение словами: «Стойкость – одно из первых достоинств воинства и земного, и духовного. Опытные в битвах ратники почитают признаком храбрости отважное нападение на строй неприятельский, но несравненно большим – безмолвное стояние с угрюмою твёрдостью под ядрами и картечью неприятельских батарей, когда этого требует общий план военачальника. На таковых-то воинов наиболее он может и положиться, на таковых воинов наиболее полагается наш подвигположник Иисус Христос и венчает их душевными венцами».

При предстоящем великом подвиге для Российского войска, подвиге, в котором Вы должны принять столько значащее участие, призываю на Вас обильное благословение Божие. Во время мира Вы отложили меч, взяли за плуг; когда ж начала скопляться военная гроза – вы оставили плуг, снова взяли за меч, взяли за него с христианским смиренномудрием, взяли, движимые и руководимые истинною преданностью и любовью к Царю и Отечеству. В благословенной России, по духу благочестивого народа, Царь и Отечество составляют одно, как в семействе составляют одно родители и дети их. Развивайте в русских воинах живущую в них мысль, что они, принося жизнь свою в жертву Отечеству, приносят её в жертву Богу и сопричисляются к святому сонму мучеников Христовых.

Молю Бога, чтобы благословил труды Ваши по внутреннему управлению краем и благословил подвиг Ваш на поле ратном для истинного блага Отечества».

Преподобный Амвросий Оптинский (1812-1891) отмечал: «Тогда как государственная власть отправляет воинов карать врагов дерзких и непокорных, святая Церковь, наоборот, внушает воинам не щадить своей собственной жизни, свою собственную кровь проливать за святую Православную Веру, державу и дорогое Отечество. Так она и молится в святых храмах за убиенных воинов: «О упокоении душ всех православных воинов, за веру, царя и Отечество на брани живот свой положивших»».

Святой праведный Иоанн Кронштадтский (1829-1908) писал: «Помните, что Отечество земное с его Церковью есть преддверие Отечества Небесного, потому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить».

Уже в связи с Великой Отечественной войной 1941-1945 гг. **святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий, 1877-1961)** утверждал: «Богу нужны сердца людей, а не показное благочестие. Сердца нацистов и их приспешников смердят пред Ним дьявольской злобой и человеконенавистничеством, а из горящих сердец воинов нашей Армии возносится фимиам беззаветной любви к Родине и сострадания к замученным немцами братьям, сёстрам и детям. Вот почему Бог помогает Красной Армии и её славным союзникам, карая выступивших, якобы, во имя Его гитлеровцев [1944].

Среди этой непроглядной тьмы сияет сейчас перед вами свет Христов. Он сияет – как мы, несомненно, должны утверждать – в сердцах многих из защитников Родины нашей».

Как ни страшна война, как ни много зла она приносит, но в то же время она несёт и много добра, ибо смотрите, какая горячая любовь к Родине возгорелась в сердцах всех русских людей, какое глубочайшее сострадание к жертвам войны, какой подвиг всеобщий на помощь им, какая любовь к тем, кто жизнь свою отдал за Родину! Разве это не свет? Да, это свет Христов, сияющий в кровавой тьме страшной войны [Слово на литургии на второй день Святой Пасхи, июнь 1945].

И ссылался на слова **святителя Димитрия Ростовского (1651-1709)**, разъяснявшие учение Нагорной проповеди о любви к врагам: «Не думай, слушатель мой, чтобы я повторил слова эти о тех врагах, которые воюют с нашим христианским Отечеством и враждуют против нашей благочестивой Веры... Тех не только нельзя любить, но даже необходимо выступать войной против них, полагая душу свою за христианское царство и целостность Церкви».

Это понимание закреплено и в современных «*Основах социальной концепции Русской Православной Церкви, VIII.2*»: «Осуждая войну, порождаемую ненавистью и враждой, «признавая войну злом, Церковь не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идёт о защите ближних и восстановлении попорченной справедливости»».

И, наконец, напомним, что **святитель Иоанн Златоуст (347-407)** учил свою паству молиться о помощи Божией воинам на войне: «Разве не было бы ни с чем несообразно, если бы в то время, как другие выступают в поход и облачаются в оружие с той целью, чтобы мы пребывали в безопасности, сами мы за тех, которые подвергаются опасностям и несут бремя военной дружбы, не творили даже и молитв... Это делается по требованию справедливости... Они составляли как бы некоторого рода оплот, поставленный впереди, который охраняет спокойствие пребывающих внутри»».

СВЯТЫЕ ВОИНЫ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Предыстория. Когда-то в Византии X века на фоне растущей военной напряжённости император Никифор Фока предложил Церкви провозгласить всех погибших воинов христианскими мучениками, но тогда Церковь отвергла эту идею.

Наименование «святых воинов» в православной традиции обозначает профессиональную принадлежность людей, воинскую, при святости личной жизни. Его присваивают тем, кто в мирской своей жизни имел отношение к ратному делу, притом явил качества нравственного совершенства – в монашеском делании, в подвиге мученичества за Христа или в иных, не имеющих связи с войной чинах святости. Особую категорию образуют святые благоверные князья. Все они воевали, и с долей условности их можно признать выразителями образа «сильной руки». Однако титулование их «благоверными» князьями отсылает опять-таки не к воинской славе, а к заслугам в сохранении и укреплении Веры. На историческом пути христианских народов одни сыграли роль просветителей и крестителей новых земель, за что именуются «равноапостольными», другие же – «благоверные правители» – на сложных переломах эпох обеспечили преемственность данного выбора. Святых князей Александра Невского, Димитрия Донского мы чтим именно за это, в то время как иные, может быть, более удачливые и храбрые военачальники, вожди и монархи, внесшие вклад в политическое или дипломатическое возвышение государства, не были удостоены почестей прославления в лике святых.

История Руси, предшествовавшая принятию христианства, недостаточно описана: наши древние письменные артефакты утрачены, первые летописные источники сохранились лишь с XI века. А о событиях прежних эпох, за исключением немногих письменных греческих свитков IX-X веков, повествуется, в основном, в устных народных преданиях, где достоверным фактам может сопутствовать поэтический вымысел, и в текст оригинала могут вклиниться более поздние изменения сюжетов.

В давние времена восточная территория европейской Руси была населена чудскими и тюркскими племенами, а в западной части, кроме литовцев и чуды, примыкавших своими поселениями к Балтике, под разными местными наименованиями небольшими общинами жили славяне. Все они были язычниками. Термин «язычество» произошёл от церковнославянского слова «языци», то есть «народы» – носители того или иного языка, определённых традиций и воззрений. К концу I тысячелетия от Р.Х. в плане религиозном восточные славяне в большинстве своём не были христианами, в их духовной жизни имело место удивительное сосуществование разных верований, в котором для наших предков всё было естественно и гармонично, причём постепенно образ мировосприятия и религиозных воззрений восточных славян продвигался к единобожию.

Особая роль в приговлении общественного сознания Руси к принятию учения Христа принадлежит **святой княгине-христианке равноапостольной Ольге**, которая с середины X века после гибели мужа довольно долго правила Киевским княжеством (945-964) в качестве регента при малолетнем сыне Святославе. И есть основания полагать, что в восьмидесятые годы X столетия в Киеве уже многие варяги, бояре, купцы и простые горожане крестились и были христианами. Причём большинство жителей древней столицы и других крупных городов Руси в ту пору, даже и не будучи христианами, довольно мирно уживалось с христианским меньшинством. Хотя среди деревенского населения языческие верования сохранялись ещё столетиями.

Соседние с Киевской Русью государства исповедовали религии, основу которых составлял монотеизм, то есть вера в единого Бога. В Византии господствовало христианство, в Хазарии – иудаизм, в Волжской Булгарии – ислам. Однако наиболее тесные связи существовали у Руси с христианской Византией.

Святая равноапостольная княгиня Ольга, супруга великого князя Киевского Игоря

«Повесть временных лет» рассказывает, что в 986 году в Киеве появились представители всех трёх этих религий, предлагая принять их веру князю **Владимиру Святославичу, занимавшему в ту пору Киевский престол – внуку княгини Ольги, сыну пленной Малуши Любечанки и великого князя Святослава Игоревича**. Ислам был отвергнут князем из-за обременительного воздержания от вина, иудаизм – из-за того, что исповедовавшие его евреи лишились своего государства и были рассеяны по всей земле. Не было принято и предложение перейти в католическую веру, сделанное посланцами папы римского. А вот рассказ православного греческого проповедника, который в заключение своей беседы показал князю картину Страшного Суда, произвёл на него сильное впечатление. По совету бояр Владимир отправил десять мудрых мужей, дабы те испытали на месте, чья вера лучше. Когда русские послы прибыли в Константинополь, то великолепие Софийского храма, стройное пение придворных певчих и торжественность патриаршей службы тронули их до глубины души. «Мы не знали, – говорили потом они Владимиру, – на земле мы стояли или на небе». А бояре заметили: «Если б вера греческая не была лучше других, не приняла бы её бабка твоя Ольга – мудрейшая из людей».

Решение принять христианство в его восточном, православном варианте из Константинополя было связано и с желанием сохранить важные связи, установившиеся у Руси с Византией в предшествующие годы. Имел значение и престиж Византийской империи, находившейся в то время в зените могущества.

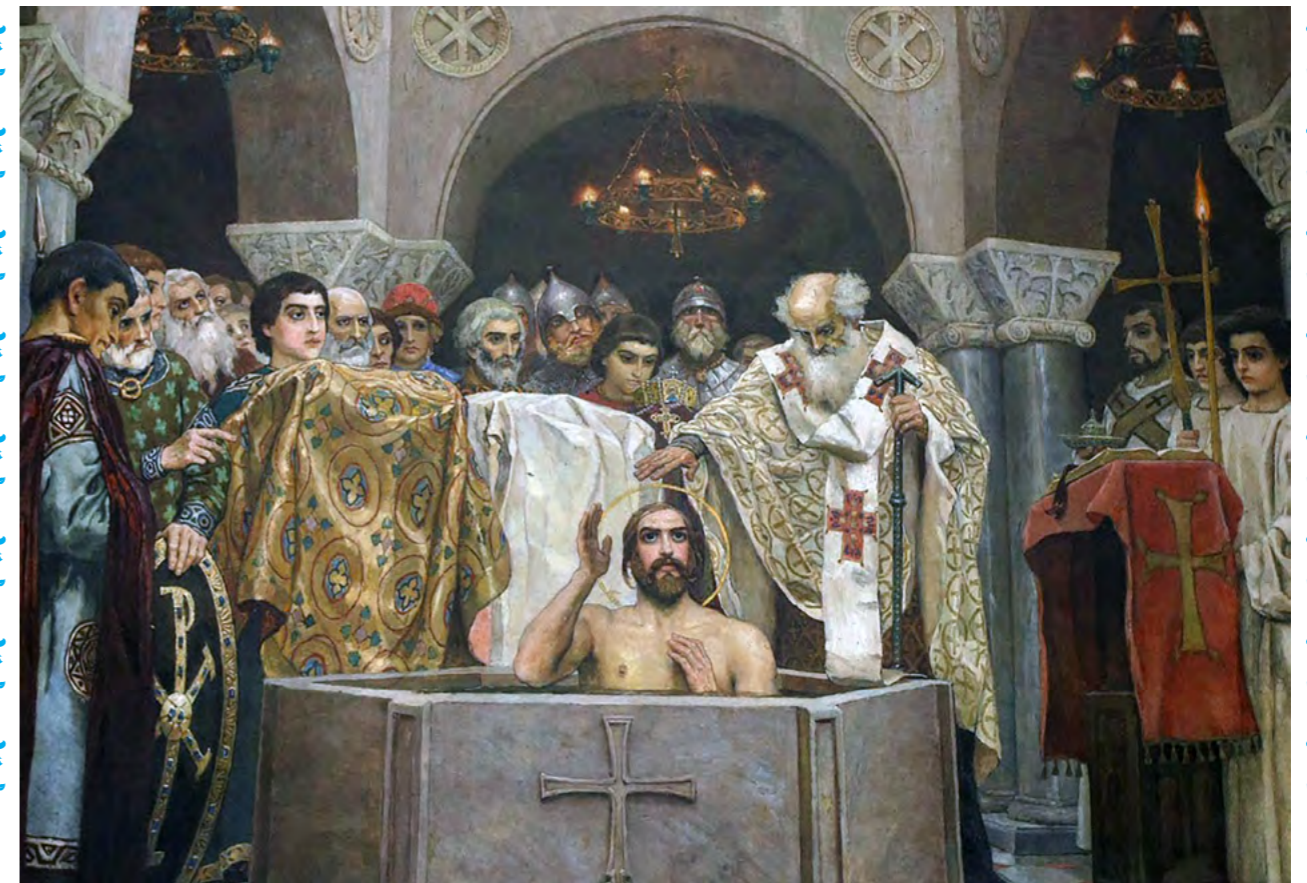
В отношении обстоятельств и времени крещения князя Владимира в древнерусских источниках нет единства. Согласно «Корсунской легенде» – преданию, которое с рубежа XI-XII веков вошло в древнерусское летописание, а затем и в «Житие святого Владимира», князь принял крещение с именем Василия в захваченном им городе Корсунь (Херсонес) – центре византийских владений в Крыму в 988 году (однако фактически взятие Корсуни произошло, вероятнее всего, в 989-м); там же, в Корсуни состоялось бракосочетание Владимира с македонской царевной Анной (родилась 13 марта 963 года), сестрой византийских императоров Василия II Болгаробойцы и Константина VIII, что было условием соглашения о предоставлении Византии военной помощи Руси. Другой источник, правда, уже в XI веке приурочивает крещение Владимира ко времени за два года до взятия Корсуни и утверждает его как произошедшее в Киеве.

За крещением князя и его дружины последовало массовое крещение жителей крупнейших русских городов – Киева и Новгорода. **А князя стали именовать Владимиром Крестителем**. Важно, что универсальная письменность, пришедшая с принятием Православия на Русь, не только легла в основу церковного Богослужения, но также использовалась в государственной и гражданской жизни. Следствием крещения Руси в законодательной области стало разделение по византийскому образцу княжеской и церковной (митрополичьей, епископской) юрисдикции, которое древнерусская традиция также относит ко времени правления Владимира Святославича. В сфере церковного права оказались брачно-семейные отношения, преступления против нравственности, суд над клириками и членами их семей. Все эти установления нашли отражение в княжеских уставах X-XII века. Важнейшей задачей стало обеспечение соборных и приходских храмов русскими богослужебными книгами и грамотными священнослужителями, для чего детей знати целенаправленно отбирали «на учение книжное».

Андрей Рябушкин. Добрыня Никитич и сестра его Малуша (будущая мать князя Владимира). (1895 г.)

Принятию Веры Христовой русским народом содействовало то, что она распространялась большей частью мирными средствами – проповедью, убеждением (а не огнём и мечом, как это нередко делалось римо-католиками) и, благодаря трудам святых Кирилла и Мефодия, Богослужение совершалось на родном славянском языке.

Виктор Васнецов. Крещение св. Владимира. (1895-1896 гг.)

УЧЁНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК И ЗАСТУПНИК ПРАВОСЛАВИЯ

3 февраля (21 января ст.ст.) Православный мир чтит память преподобного Максима Грека – инока, писателя и публициста, всю свою сознательную жизнь с твёрдым убеждением отстаивавшего истину Божиих заповедей. Его называли удивительным мудрецом Московской Руси и глашатаем подлинного христианства. Житие преподобного насквозь пронизано описанием его непреклонной нравственной борьбы и является примером терпения в условиях суровых лишений.

В одном из своих сочинений о бессмертной душе Максим Грек писал: «Возненавидим от всего сердца всё низкое и отбросим от себя ярмо порабощения страстям. Станем на тверди высокой свободы, на тверди свободы Богоподобной, которую душа обогащена была прежде того, как попала во власть губительного беса, когда, лишившись бессмертной своей славы, уподобилась скотам бессмысленным» [Пс. 48, 21]. Пройдя сквозь толщу веков, наследие Максима Грека представляет его яркой и трагичной фигурой русской культуры XVI столетия.

Мирское имя преподобного – Михаил Триволис. Родился он в 1470 году в греческом городе Арте в семье богатого сановника. В юности Михаил много путешествовал, изучал науки в Германии, в Париже, Болонье и Венеции. Проживая некоторое время во Флоренции, Михаил глубоко проникся проповедями монаха-доминиканца Савонаролы, впоследствии казнённого католическими инквизиторами. После возвращения в Грецию Триволис уехал на Афон и принял иноческий постриг в Ватопедской обители с именем Максим в память Максима Исповедника – византийского монаха VI века, великого подвижника. Тысяча лет от-

деляет их пребывание в нашем мире, однако земной путь и нравственные устои обоих иноков и ревнителей православия удивительным образом похожи.

Проводя жизнь отшельника на Афоне, преподобный Максим годами изучал древние рукописи, оставленные императорами Андроником Палеологом и Иоанном Кантакузеном. Однако вскоре в его жизни произошла судьбоносная перемена. Великий князь Московский Василий III пожелал разобратся в некоторых греческих рукописях и книгах своей матери Софии Палеолог. С просьбой прислать ему учёного грека он и обратился к Константинопольскому патриарху.

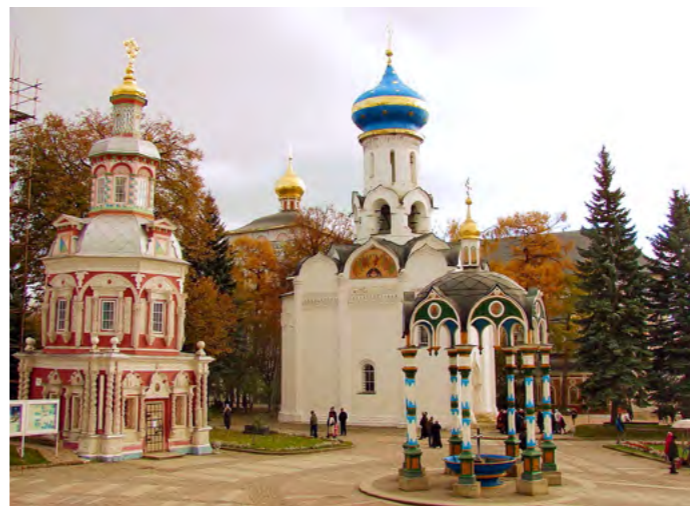
В 1518 году Максим прибыл в Московию, где его встретили с большой честью и поселили в знаменитом Чудове монастыре. Первой большой работой преподобного стал перевод Толковой Псалтыри, который одобрило русское духовенство и сам великий князь. Окончив труд, Максим попросил разрешения возвратиться на Афон, но Василий III не внял его просьбе, и Грек продолжил трудиться в Московии. Он перевёл толкование на книгу Деяний Апостолов, толкования святителя Иоанна Златоуста на Евангелия от Матфея и Иоанна, писал сочинения против папизма, магометан, язычников, астрологов и гадателей.

Именно в этот период у Максима появился друг и единомышленник князь-инок Вассиан Патрикеев. По многим злободневным для русского общества вопросам у них появилось полное единодушие, Вассиан и Максим работали над исправлением церковных книг и были внутренне готовы к тому, чтобы обличать людскую неправду.

Митрополит Московский Варлаам высоко ценил деятельность Максима Грека. Когда же московский престол занял митрополит Даниил Рязанец, положение резко изменилось – новый митрополит потребовал, чтобы Максим перевёл на славянский язык церковную историю Феодорита, но преподобный наотрез отказался, говоря о том, что в текст включены письма раскольника Ария, «а сие может быть опасно для простоты». В ответ Даниил упрекнул Максима в «непослушании», однако на самом деле причина разлада лежала глубже – в вопросе монастырского землевладения.

Максим Грек являлся убеждённым последователем нестяжателей, во главе которых, к слову, стоял Вассиан Патрикеев. По убеждению преподобного, монастыри могли иметь лишь небольшие участки земли для пропитания собственным трудом и ни в коем случае не принимать в собственность крестьянские надель, ведь это связано с мирской суетой и напрямую могло вести к расстройству всего иноческого чина.

Вскоре грянула ещё одна беда. В 1525 году великий князь решил расторгнуть брак с Соломонией Сабуровой, чтобы жениться на Елене Глинской, будущей матери Ивана Грозного. Митрополит Даниил, игнорируя других патриархов, дал своё благословение на развод и повторное венчание. В ответ Максим прислал князю Василию «Главы поучительные», в которых убедительно доказал, что положение объявляет князя не покоряться животным страстям. Василий III не стерпел резких, но правдивых обличений в свой адрес и в гневе повелел подробно исследовать церковные писания преподобного Максима дабы уличить его в несуществующей ереси. Главным поводом для осуждения явились некоторые неточности первых переводов Максима, связанных с ещё недостаточным знанием русского языка. Никакие аргументы к оправданию не принимались. Кроме «ереси», преподобного обвинили в порче книг и припомнили ему встречи

Церковь в честь Сошествия Святого Духа на Апостолов Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

с послом турецкого султана. Максима признали виновным и сослали в темницу Иосифо-Волоколамского монастыря, который являлся как раз одним из центров иосифлян, ярых противников нестяжателей. Постоянно напоминая Максиму о нестяжании, в монастыре существование преподобного Максима сделали тягостным. Шесть лет провёл страдалец в каменном мешке – в сырой, тесной и смрадной келье. Преподобного отлучили от церковной службы, запретили причащаться, иметь какие-либо контакты и писать книги. Но Господь не оставлял Максима. Однажды к нему в темницу явился ангел и сказал: «Терпи, старец! Этими муками избавишься вечных мук». Заключённый преподобный старец прямо на стене тюремной кельи углём написал канон Святому Духу, который и ныне читается в Церкви.

В 1531 году был созван собор для осуждения нестяжателей. На этот раз суровое наказание постигло и старца Вассиана Патрикеева – его признали виновным в ересь и отправили на место Максима Грека. Самого же преподобного по заступничеству восточных патриархов отправили в Тверской Отроч монастырь под надзор Тверского епископа Акакия. Епископ уважал Максима и дал ему возможность писать. Но церковное наказание оставалось в силе. Преподобный старец умолял простить его невольные ошибки в ранних русских переводах и отпустить обратно на Афон или хотя бы снять отлучение от причастия. Тщетно – в своём решении митрополит Даниил Рязанец оставался непреклонным. В это время Максим Грек составил автобиографическое произведение «Мысли, какими инок скорбный, заключённый в темницу, утешал и укреплял себя в терпении», в котором писал: «Не тужи, не скорби, ниже тоскуй, любезная душа, о том, что страдаешь без правды ... Не считай это время – временем сетования, а напротив – временем Божественной радости, чтобы тебе, окаянной, не потерпеть двойного лишения, страдая от неблагодарности».

В 1539 году князь Шуйские низложили Даниила, удалив его в тот же Иосифо-Волоколамский монастырь, где опальный митрополит и провёл свои последние годы.

После неоднократных обращений восточных патриархов и лично митрополита Макария Максима Грека перевели на покой в Троице-Сергиев монастырь и сняли с него церковное запрещение. Кроме того, святитель Макарий внёс часть его поучений в Великие Четьи-Минеи.

Преставился преподобный Максим в 1558 году в день памяти своего небесного покровителя – Максима Исповедника и был погребён у северо-западной стены Свято-Духовского храма Троицкого монастыря. Через три года у гробницы пре-

подобного свершились первые чудеса: духовное прозрение одного богомольца и келейника старца Вассиана; засвидетельствовано и немало благодатных проявлений, свершившихся у гробницы преподобного, на которой ему написаны тропарь и кондак.

Святые мощи Максима Грека прославлены нетлением и чудесами, ныне они открыты для поклонения в Успенском соборе Свято-Троицкой Лавры.

Трудно назвать какого-либо другого деятеля древнерусской литературы, изображению которого было бы уделено столько внимания в XVI-XVIII столетиях. Здесь и миниатюры в рукописных книгах, и многочисленные иконы, и фрески, украшающие стены соборов и церквей. Самыми ранними из всех дошедших до нас изображений Максима Грека являются три рисунка в списках его сочинений Соловецкого собрания, а на фресках Благовещенского собора московского Кремля его изображение появилось всего лишь через восемь лет после кончины преподобного.

Ни один русский писатель той эпохи не пользовался таким авторитетом, как Максим Грек. После себя преподобный оставил сочинения богословского и духовно-нравственного характера, его труды распространялись в многочисленных рукописных списках. Многие из требований Максима Грека, выраженных им в различных литературных произведениях, приняты на Стоглавом Соборе.

Игорь Маркин

СЛОВО

*Молчат гробницы, мумии и кости –
лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы, на мировом погосте,
звучат лишь Письмена.*

*И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
хоть в меру сил,
в дни злобы и страданья,
наш дар бессмертный – речь.*

Иван Бунин

ТО, ЧТО ЗАВИСИТ ОТ НАС

Во дни поста, которые приведут нас к торжеству Воплощения Господня, Церковь словами Самого Христа сурово и ясно предостерегает нас.

В Притче о безумном богаче Христос говорит о переполненных амбарах материальных благ; но все мы – богаты по-разному, и не обязательно в первую очередь – материально.

Как твёрдо мы порою полагаемся на взаимоотношения наши с Богом, какую надёжную опору находим – в евангельских словах, словах Христа, в учении апостолов, в нашей Православной Вере! И чем дольше мы живём, тем больше накапливаем мыслей, знаний, да и сами сердца наши становятся богаче чувствами в ответ на красоту Божьего Слова. Но спасает нас не это – спасает нас Сила Божия, Благодать Божия. Это Она постепенно учит нас и может очистить, преобразить нас.

Бог подаёт нам Свою Благодать неограниченно, но мы-то оказываемся способны принять дары Божии лишь в очень малой мере. Мы почти не способны распахнуть Божьей Благодати своё сердце; решимость изменяет нам; у нас не хватает смелости идти тем самым путём, который мы же и избрали. Избрали потому, что он – так прекрасен и животворен.

Апостол Павел даёт нам образ: мы подобны чахнувшим веточкам, привитым, рана к ране, на Животворящее Древо, которое есть Христос. Да, мы привиты – но сколько живоносных соков сможет проникнуть в сосуды нашей веточки? Сколько жизни будет дано, и сколько – принято? Это зависит от того, насколько открыты мы ко Христу, насколько раскрыты сосуды веточки, и значит, сколько соков сможет течь в них свободно. Вот что зависит от нас.

Митрополит Антоний Сурожский

Кирилл Киселёв. Новое крещение. Возрождение монастыря.

ИВАН

Помню, как он впервые пришёл к нам в храм: такой забавный мужичок-лесовичок. Небольшого роста, полный. Робко подошёл ко мне и попросил поговорить с ним. Сказал, что тяжело болен, и жить ему осталось недолго. «Если сделать операцию, врачи говорят, проживу ещё шесть месяцев, а если не сделать, то полгода», – невесело пошутил он. «За свои 66 лет я как-то никогда не задумывался ни о жизни, ни о смерти, а вот сейчас – хочешь не хочешь, а нужно готовиться. Помоги мне, батюшка!».

Он стал часто приходить на службы, читал Евангелие. Регулярно причащался, но

одного я никак не мог от него добиться. Очень уж мне хотелось, чтобы он покался. Не так, как часто говорят люди, приходя на исповедь: «Грешен». Спросишь: «В чём?». Ответ: «Во всём». И – молчок, «зубы на крючок». И как ты его не раскачивай, – ну, не видит человек в себе греха, хоть ты его палкой бей.

Мы каждый день молимся молитвами святых, а они-то себя самими грешными считали. Читаешь: «Я хуже всех людей». Думаешь: «Что, даже хуже моих соседей»? Не понимаем, что чем выше поднимается в духовном плане человек, тем больше ему открывается его несовершенство, греховность природы. Это как взять листок белой бумаги и поднести его к источнику света. С виду листок весь белый, а в свете чего только не увидишь: и вкрапления какие-то, палочки... Вот и человек: чем ближе ко Христу, тем большей видит себя дрянью.

Никак я не мог этой мысли Ивану донести. Нет у него грехов, и всё тут. Вроде искренний человек, старается, молится, а ничего в себе увидеть не может. Долго мы с ним боролись, может, и дальше бы продолжали, да срок поджимал. Начались у Ивана боли. Стал он в храм приходить реже. По-человечески мне его было жалко, но ничего не поделаешь. Бог его больше моего пожалел – дал такую язву в плоть. Неужто было бы хорошо, если б он умер внезапно, во сне? Например, пришёл бы из пивной или из гаража, лёг подремать – и не проснулся. Болезнь дана была Ивану во спасение, и мы обязаны были успеть.

Однажды звонок: «Батюшка, Иван разум потерял. Можно его ещё хоть разочек причастить»? Всякий раз после причастия ему становилось легче.

Поехали в его деревеньку. Дом их стоит на отшибе, метров за сто от всех остальных. Захожу и вижу Ивана. Сидит Иван на кровати, он уже не мог встать – доволен жизнью, улыбается. Увидел меня, обрадовался, а потом задумался и спрашивает: «А ты как попал сюда? Ведь тебя же здесь не было».

Оказывается, метастазы, проникнув в головной мозг и нарушив органику, вернули его сознание по времени лет на тридцать назад. Он сидел у себя на кровати, а вокруг него шумел своей жизнью большой сибирский город, в котором он когда-то жил. Он видел себя на зелёном газоне в самом его центре, кругом неслись и гудели машины, сновал поток людей. Все были заняты своим делом, и никто не обращал внимания на Ивана. И вдруг он увидел напротив себя на этом же газоне священника, к которому он подойдёт только через тридцать лет: «Неужели и ты был тогда в моей жизни?»

Я решил немного подыграть ему и сказал: «Да, я всегда был рядом. А сейчас давай будем собороваться, и я тебя причащу». Он охотно согласился. За эти полгода Иван полюбил молиться.

Через два дня, утром в воскресенье перед самой Литургией я увидел его входящим в храм. Он был в полном разуме, шёл ко мне и улыбался: «Батюшка, я всё понял, я понял, чего ты от меня добиваешься». И я, наконец, услышал исповедь – настоящую, ту самую, которую так ждал. Я его разрешил, он смог ещё быть на службе, причастился и только после этого уехал. Перед тем, как уехать, он сказал: «Приди ко мне, когда буду умирать». Я обещал. Наверное, через день мне позвонила его дочь: «Вы просили сообщить – отец умирает. Он периодически теряет сознание».

Я вошёл к нему в комнату. Иван лежал на спине и тихо стонал. Его голова раскалывалась от боли. Я сел рядом с ним и тихонько позвал: «Иван, ты слышишь меня? Это я. Я пришёл к тебе, как обещал. Если ты меня слышишь, открой глаза».

Он открыл глаза, уже мутные от боли, посмотрел на меня и улыбнулся. Не знаю, видел он меня или нет? Может, по голосу узнал. Улыбнувшись в ответ, я сказал ему: «Иван, сейчас ты причастишься в последний раз. Сможешь?».

Он закрыл глаза в знак согласия. Я его причастил, и умирающий ушёл в забвенье.

Уже потом его вдова сказала мне по телефону, что Иван пред кончиной пришёл в себя. «У меня ничего не болит», – сказал он, улыбнулся и почил.

Отпевал я его на дому, в той комнате, где он и умер. Почему-то на отпевании никого не было. Видимо, время было неудобное. Когда пришёл отпевать, посмотрел на лицо Ивана – и остановился в изумлении: вместо добродушного простоватого мужичка-лесовичка в гробу лежал древний римлянин, и не просто римлянин, а римский патриций. Лицо изменилось и превратилось в Лик. Словно на привычных узнаваемых чертах лица проступило новое внутреннее состояние его души. Мы успели, Иван...

О, великая тайна смерти, одновременно и пугающая, и завораживающая. Она всё расставляет по своим местам. То, что ещё вчера казалось таким важным и нужным, оказывается не имеющим никакой цены, а на то, что прежде и внимания не обращали, становится во главу угла всего нашего бытия – и прошлого, и будущего.

Не нужно плакать об умерших – дело сделано, жизнь прожита. Нужно жалеть живых, пока есть время. А оно обманчиво, течёт незаметно и заканчивается внезапно. Там времени нет, там – Вечность...

Родственники Ивана почти не заходят в храм. Никто не заказывает в его память панихид и поминальных служб. Но я поминаю его и без них, потому что мы с ним за те полгода стали друзьями, а друзей просто так не бросают.

Иерей Александр Дьяченко

* * *

*Светает.
Таинственно, зыбко...
Туман по долине плывёт.
И словно качается зыбка,
и ангел, как будто, поёт,*

*О том, что в Селеньях Небесных,
где явлены неба и свет,
ни страждущих нет, ни больных,
ни лишних у Господа нет!*

*Таинственно...
Зыбко...
Рассветно...
И пенье как будто вдали.
Ужели всё – отблески Света,
который невидим с земли?*

*Светает.
Таинственно, зыбко...
Туман по долине плывёт.
И словно качается зыбка,
и ангел, как будто, поёт.*

Геннадий Ёмкин

Кирилл Киселёв. Сергеев посёлок.

СОБЕРЁМСЯ ВОЕДИНО – И В ПУТЬ

17 марта – Воспоминание об изгнании Адама из Рая

В канун Великого Поста каждый год мы вспоминаем об изгнании Адама из Рая – горюем о потерянной родине своей, об Отчем доме. И снова собираемся в путь – чтобы духом загореться, сердцем очиститься, просветлеть умом и вернуться туда, к нашему Богу и Отцу. Совершается это в каждом из нас в отдельности, но вместе с тем – и всеми нами сообща... И как люди во времена давние собирались в такой путь вместе, как бы вскладчину, преодолевая свою немощь и прилагая усилия, чтобы из товарищества, из взаимной преданности выросла какая-то сила – так и мы всем миром собираемся теперь в путь. Тогда они обозревали порой неизвестных им людей, вглядывались в новые лица: что у них общего? Только одно: все они поняли, что к свободе из рабства может вывести только единство примирившихся людей.

Древний Израиль сорок лет скитался по пустыне, прежде чем достиг обетованной земли. Никто б тогда не выжил, если б в этом долгом пути каждый не заботился бы о том человеке, что шёл рядом, если б не были ответственны все – за судьбу каждого, а он, в свою очередь, не чувствовал бы своей ответственности за общую судьбу, воспринимая её как судьбу собственную.

Так и нам теперь надо собираться воедино – и идти в путь. Мы должны осознать, что для того, чтобы быть свободными, надо вырваться из многого, нас опутавшего, пленившего; осознать, что только спаянные, соединённые друг со другом любовью, милосердием, состраданием сможем мы достичь цели. И потому на грани Великого Поста мы перед образом Спасителя и Божией Матери просим Их прощения и Их напутственного благословения. Христос был убит детьми Адама, чьи руки пригвоздили Его ко кресту, чья ненависть отвергла Его. И мы – тоже потомки Адама – просим Христа о прощении и о благословении, о том, чтобы Его крест стал нашим спасением, чтобы ранами Его мы исцелились, чтобы, познав крестную Любовь Господню, мы нашли бы в себе силы принести Ему и жизнь, и любовь свою.

И Божию Матерь будем молить о прощении: ведь Сын Её погиб не только от грехов ветхого Адама и живших до нас людей – и в наши дни Он был бы убит, ведь мы так же слепы и греховны, как и те, кто в давние времена погубил Его, как Его ослеплённые злобой современники. И мы теперь обращаемся к Божией Матери, взывая о помощи и моля о милости и пощаде. Каждая наша молитва к Ней значит: «О Мати Господа и Бога нашего! Знаю, что и моими грехами убит, и из-за меня погиб жестокой смертью Твой Сын. Прости нам, о Мати Христа, Спасителя нашего, искупившего грехи человеческие! Если Ты простишь – то никто меня не осудит».

И в преддверии Великого Поста пусть вспомнит и простит каждый из нас всех – всех, а не только присутствующих. Многие оскорблённые и раненные нами уже отошли в вечный покой. Теперь, стоя пред Лицом Божиим в Царстве Любви, они понимают, что все мы бываем по-человечески слабы, слепы и раним друг друга злыми словами и поступками, часто и не желая, не замечая, не ведая того. А ведь ничего нет ни на Небе, ни на земле достойного Бога и людей, кроме любви и милости. К ним – наше стремление, за них – наша битва.

Потому в молитве сердечной попросим всех умерших простить нас, чтобы и нам – ещё здесь, на земле, или позже, когда душа будет отлучаться от тела – мирно отойти в Царство вечного покоя и торжествующей Любви. Вспомним и тех, кто, проходя через нашу жизнь, изранил нашу душу, смял жизнь, обесмыслил, быть может, самые светлые наши мысли и живые порывы. Простим и их, которых вблизи уж нет. Пусть Господь донесёт до их сердец нашу молитву – с примирением и утешением, которое только Он дарует, а мир земной не может ни дать, ни отнять. Лишь Господь исцелит нас и души былых недругов и обидчиков.

Оглянемся вокруг себя – и дадим друг другу прощение, и примем прощение друг от друга. Чтобы, вступая на путь от земли к Небу, к дому Отчому не идти нам с тяжёлыми кандалами на руках и на ногах, а легко ступать за Христом, куда б Он ни пошёл: в пустыню ли на искушение, в народ ли с проповедью Истины. Последуем так за Ним, если нужно, и в Гефсиманский сад, и дальше, когда придёт время разлучения тела и души, в тайну смерти – не как побеждённые, а как дети Христовы, дети Божьи. Соберёмся воедино – и в путь.

Дай Бог всем нам принять мир от усопших и живых по милости Господа Иисуса Христа и Матери Божией. Аминь.

По слову Митрополита Антония Сурожского

Владимир Муллин. Крестный ход. (2008 г.)

ПОВОД ДЛЯ ПОКАЯНИЯ

«Бдите и молитесь, да не внидите в напасть», – сказано в Евангелии [Мк. 14, 38]. Пребывая на земле, человек несовершен и подвержен искушениям. Осознавая и отслеживая это, понимаешь, как трудно избежать греха. А значит, всегда есть повод для покаяния и молитвы – то есть для личного разговора с Богом.

У шотландского учёного-библеиста Уильяма Баркли есть примечательное утверждение: «В жизни каждого человека есть два самых важных дня. Первый – день, когда он родился. Второй – когда понял, зачем живёт». В течение двадцати восьми лет будучи профессором университета в городе Глазго, Баркли преподавал там древнегреческий язык и Новый Завет. Толкования Ветхого и Нового Завета, созданные им в середине XX века и переведённые на многие языки, были ценимы христианами в странах западного мира, известны и в России. Учёного отличала способность находить общий язык с самыми простыми людьми, многие из которых не имели к религии никакого отношения. Полагаем, размышления его о понятии греха сегодня звучат весьма актуально. Вот о чём они повествуют.

В Новом Завете употребляются пять разных слов в значении грех.

1. Самое типичное слово – *хамартия*. Сперва это слово относилось к сфере стрельбы из лука и значило *не попасть в цель*. Неспособность попасть в цель, промах – это и есть *хамартия*; и потому *грех – это неспособность быть тем, кем мы могли и должны были бы быть*.

У английского писателя Чарльза Лэма (1775-1834 гг.) есть рассказ о некоем Сэмюеле Легрисе. Этот блестящий молодой человек никогда не мог выполнить возлагавшихся на него надежд. Жизнь его состояла из трёх этапов. Сперва о нём говорили: «Он чего-нибудь добьётся в жизни». Потом: «Он может чего-нибудь добиться, если захочет». И, наконец, о нём стали говорить: «Он мог бы добиться чего-нибудь, если б захотел». Эдвин Муир пишет в своей автобиографии: «В каком-то возрасте всех нас, хороших и плохих, охватывает печаль по тем силам внутри нас, которые мы не использовали как это следовало; другими словами, потому что мы не стали тем, кем должны были бы стать». Вот именно это и есть *хамартия*, и именно в таком положении мы находимся. Разве все мы такие хорошие мужья и жёны, какими могли бы стать, или прекрасные сыновья и дочери, отцы и матери? Разве мы настолько безупречные работники или начальники, какими могли бы быть? И есть ли такой человек, который осмелится утверждать, что он сделал в жизни всё доброе, важное и нужное, что мог совершить?»

Когда мы начинаем понимать, что нас не миновал этот грех – эта неспособность попасть в цель, неспособность сделать то, что должно в той или иной жизненной ситуации, стать тем, кем мы могли бы стать и должны были бы стать по дарам, нами полученным, то становится ясно, что каждому из нас есть в чём каяться.

2. Второе слово со значением грех – *парабасис*, что значит *переступание, преступление*. Грех – это переступание линии между правым и неправым, между добрым и злым.

Всегда ли мы стоим на правильной стороне у черты, разделяющей честь и бесчестье, истину и ложь? Нет ли в нашей жизни какой-нибудь недобросовестности, пусть и мелкой? Действительно ли мы никогда не искажаем и не избегаем истины, будь то словами или молчанием? Всегда ли делаем правильный выбор между добротой и порядочностью – и эгоизмом и грубостью? Не совершаем ли в жизни недобрых поступков, не произносим ли жестоких слов?

Если вдуматься, никто из нас не сможет утверждать, что всегда оставался на стороне истины, справедливости и милосердия, никогда не переступал черты.

3. Третье слово – *параптома*, что значит *поскользнуться*, как человек поскользывается на скользкой или покрытой льдом

дороге. *Параптома* – это не столь преднамеренное действие, как *парабасис*. Мы часто говорим, что «слово выскользнуло» нечаянно, что нас толкнула и унесла страсть или порыв, на мгновение захватив нас и заставив растеряться, утратить контроль над собой.

Лучший из нас может поскользнуться и согрешить, когда мы на мгновение забываем о подобной опасности и теряем бдительность.

4. Четвёртое слово со значением грех – *аномия*, что значит *необузданность, беззаконность*. Это грех человека, который знает, что правильно и добро, но поступает неправильно и недобро; то есть грех человека, знающего закон, но нарушающего его. Инстинкт человеческий часто подталкивает поступить так, как хочется. И может наступить момент, когда захочется взбунтоваться и игнорировать внутренний нравственный закон или преступить внешнее установление, традицию, правило, что-то неправильное, дурное совершить или взять запретное. Это может настичь каждого из нас. Возможно, в мире есть люди, которые будут утверждать, что они никогда не нарушали Десяти заповедей Божиих; но нет ни одного, кто мог бы сказать, что никогда в жизни его не было ни помысла, ни соблазна, подталкивающего к желанию преступить хоть одну из них.

5. Пятое слово со значением грех – *офейлема*, что значит *долг*. Это понятие предполагает *неспособность уплатить должное, отдать то, что причитается другому*; неспособность выполнить свой долг – перед Богом, перед собой, перед народом, перед обществом и страной. Нет ни одного человека, который решился бы утверждать, что он отлично со всем этим справился и сполна выполнил свой долг перед людьми и перед Богом. Такого совершенства нет среди людей, но стремиться к нему надо.

Поняв же, что такое в действительности грех, как многолик он и как изворотлив, мы видим, что это – весьма распространённая болезнь, которой бываем мы подвержены, что она проявляется в очень разных формах и имеет различные осложнения. И часто видимость может быть обманчива, ибо, к сожалению, внешняя порядочность кого-то в глазах людей и внутренняя греховность его в глазах Бога вполне могут идти рука об руку.

И, сознавая это, каждый человек должен понимать, что у него всегда есть повод для покаяния, и всегда мы можем возносить молитвенную просьбу о милости и помощи Божьей.

По тексту www.soteria.ru

И ВОЗЛОЖИЛИ ВСЮ НАДЕЖДУ СВОЮ НА КРЕСТ

Знаменитые рыцарские крестовые походы прочно ассоциируются со средневековой Европой. Менестрели и трубадуры сложили о них множество героических баллад и легенд, а впоследствии в описаниях романистов походы эти были овеяны ореолом подвига и благородной романтики. На деле инициатором их выступил папа римский Урбан II, провозгласивший благородную цель: освобождение Гроба Господня из рук мусульман. В 1096 году начался первый крестовый поход европейцев на Восток, и итогом его стало падение Иерусалима.

Всего через пятнадцать лет после этой кампании западных крестоносцев, в 1111 году Православная Русь тоже совершила свой крестовый поход – он был направлен в степи у южных русских пределов, на половцев. Необычный для Руси поход начался 26 февраля, во второе воскресенье Великого Поста. Русские дружины собрались под стягами великого киевского князя Святополка, а также черниговских князей Давыда и Владимира с сыновьями. Вдохновителем похода стал Владимир Мономах, князь города Переяславля, где и назначался общий сбор. Русских воинов насчитывалось до тридцати тысяч человек – по тем временам грандиозное войско. Владимиру Мономаху было ведомо, что половцы ранней весной воевать не любили, ведь наступавшая в конце марта распутица лишала половецкую степную конницу лёгкости, и она запросто могла увязнуть в тяжёлых снегах.

Но не только климатическими условиями руководствовался князь переяславский. Русское общество той эпохи – насквозь религиозное, христианское; иного миропонимания для наших предков в те времена не существовало. Когда русские дружины уже готовы были выйти из Переяславля, епископ и священники с пением вынесли большой крест, который водрузили неподалёку от городских ворот. И все до единого, уходящие в южную степь, проходя мимо креста, получали благословение епископа. Вместе с русскими ратями священники тоже отправились в поход, в течение которого, призывая Имя Господа нашего, вдохновляли

православное воинство на ратные подвиги. Владимир Мономах велел духовенству ехать впереди полков, петь тропари и кондаки в честь Честнаго Креста Господня, а также канон Пресвятой Богородице. Подобного Русь ещё не знала.

В хмурый февральский день с церковным пением и колокольным звоном русские дружины тронулись в край неведомого дотопле полудня, чтобы «испытать шеломами из великого Дона», – предвстие волшебной поэзии «Слова о полку Игореве» исподволь рождалось в сознании народа...

«Повесть временных лет» добавляет подробностей: «А в воскресенье, когда крест целуют, дошли до реки Голты. Тут подождали воинов, оттуда двинулись на реку Ворсклу и там на другой день, в среду, крест целовали и возложили всю надежду свою на крест... И оттуда перешли много рек, и пришли к Дону во вторник шестой недели поста».

Полки, не теряя боевого порядка – в степь идут! – двинулись на Шарукань, или город Шарукана, названный так по имени одного из знаменитых половецких ханов. Здесь уже путь был ведом лишь разведке. Под Шаруканью оказались в первых числах марта. Началась осада. Шаруканцы, обложенные со всех сторон, видя, что помощи ждать неоткуда, через пять дней вышли из ворот, поклонились русским князьям рыбой и вином – это означало капитуляцию. Переночевав во взятом городе, русские двинулись к половецкому городищу Сугров. Тот сдаться не пожелал – и русские Сугров сожгли.

Точные координаты Шаруканя и Сугрова до сих пор не установлены, но историки сходятся в том, что боевые действия проходили в современной Харьковской области. Впрочем, тайны местонахождения Сугрова остаются: город Семилуки Воронежской области в древности по-славянски назывался Огибень, в половецком же звучании – Усугров, или Сугров...

Поход продолжился – путь наших дружин лежал ещё далее в степное пограничье. К одному из прибрежий Дона подошли 23 марта. Назавтра произошёл первый здесь бой – короткий, но ожесточённый. Подоспевшие половцы выстроили свои лавы и первыми пошли в атаку. Как отмечает та же «Повесть...», «князь наши, возложив надежду свою на Бога, сказали: "Здесь смерть нам, так станем же крепко". И прощались друг с другом и, возведя очи на небо, призывали Бога вышнего».

Бой тот остался за нами. Наутро, в канун Лазарева воскресения, «вздав хвалу Богу, проводили субботу», и русская рать продолжила поход, через два дня подойдя к реке Сальница.

Где протекала эта летописная река? Современный поиск очерчивает ареал, включающий в себя части Харьковской и Белгородской областей, примерно между Изюмом и Осколом. Со времён великого князя Святослава Храброго русские дружины никогда так далеко в степь не заходили...

День 27 марта пал на понедельник Страстной Недели. Стылая степь уже дышала весенними запахами. Утреннее солнце да река Сальница – вот и все свидетели начавшегося главного сражения. Половцы подтянули свои основные силы – и в великом множестве, «словно огромный лес», ринулись на русские полки. Имевшим заметное численное преимущество половцам удалось со всех сторон окружить русских. Это сколько же было половцев, если русское войско – тридцать тысяч? Завязалась битва, которую степь допрежь не знала. «Грохот стоял, подобно грому, и падали люди с обеих сторон». Наши стояли крепко и отбили несколько ожесточенных наскоков. А половцы волна за волной накатывали на русские ряды. Выдержим ли? Если нет, то отступать некуда: степь да степь – она на тысячи вёрст...

Согласно летописи, «и послал Господь Бог ангела на помощь русским князьям». В самый критический момент Владимир Мономах оставил переяславский полк «правой руки» на сына Ярополка, сам же повёл в бой объединённую отборную конницу князей-участников похода. Тяжёлая кавалерия с ходу врुбилась в половецкие отряды и принялась разъединять их. Вдохновлённые таким напором, перешли в атаку черниговцы князей Владимира и Давыда. Мощный русский удар и таявшие снега роковым образом сказались на степняках: их конница утратила своё главное преимущество – возможность быстрого манёвра. Половцы не выдержали ярости схватки и побежали к Сальницкому броду. Побеждённых преследовали и нещадно избивали. На поле боя полегло около десяти тысяч степняков, остальные бросали оружие и молили о пощаде.

Невидимого ангела, истреблявшего половцев, видели многие, причём с обеих сторон. Когда после русской победы пленников спросили, как так вышло, что вас намного больше, но вы – разбиты, то пленные отвечали: «Как можем мы биться с вами, когда какие-то другие ездили над вами в оружии светлом и, страшные, помогали вам?».

Сальницкая битва увенчала грандиозный поход, победа в котором русских над половцами стала самой значимой за все времена их противостояния. Впоследствии половцы всего раз подступали к границам Руси, но замирились с грозным для них Владимиром Мономахом, а вскоре десятки тысяч степняков с ханом Атраком ушли на службу к грузинскому царю Давиду Строителю. Кроме того, Сальницкая победа стала едва ли не первым толчком к осознанию русскими князьями, что сила Руси – в единстве. И эта идея хранила древнерусское пространство в целостности и общности.

Конечно, у русского и у западных крестовых походов некая взаимосвязь имеется. На Руси знали о походе европейских крестоносцев не понаслышке. Один из сподвижников Мономаха игумен Даниил во времена первого крестового похода находился в Иерусалиме и оставил о том записи. К тому же одним из тех крестоносцев был граф Гуго – сын королевы Франции Анны Ярославны, внук Ярослава Мудрого и двоюродный брат Владимира Мономаха. На Западе тоже были осведомлены об успешном русском походе в степь. Весть о нём через Польшу и Чехию дошла до Византии и Рима. В ту пору европейскими правителями русские князья воспринимались как защитники христианства от неверных, и успешный поход на половцев знаменовал победу христиан.

И всё же различий у этих походов куда больше, нежели аналогий. В первую очередь, в самой идее. Идея западных крестоносцев – освобождение Святой Земли от мусульман. Средневековое общество на Западе тоже было религиозно, и многие участники крестовых походов – от рыцарей до крестьян-носильщиков – свято верили, что идут освободить Гроб Господень. Но при этом все западноевропейские крестовые походы осуществлялись на Восток, в дальние чужие земли. И все без исключения они сопровождались грабежом и насилием, ибо в этом ключ западной идеологии: захват земель и ресурсов, покорение других народов

и собственное усиление с помощью новых богатств – всё это утверждалось как выход из тех или иных общественных обстоятельств и обещало облегчение таким образом условий собственной тяжёлой жизни.

Идея русского крестового похода совсем в ином: потребовалось укрощение половецкой агрессии, купирование опасности набегов, которая реально существовала возле юго-восточных границ Руси. Не покорение дальних стран, но – ограда своего Отечества, защита его приграничья. На Западе (да вслед за тем некоторые исследователи и у нас) преподносят русский крестовый поход как некое вспомогательное явление общей европейской тенденции борьбы с мусульманами. Однако обратим внимание вот на что: только Запад называл половцев «неверными». Для Руси половцы – просто «иноплеменники», не более того, то есть представители иного рода-племени. По одной из версий слово «половец» происходит от русского «полóва», то есть обличьем эти люди были «светло-жёлтые» (как полова). Так беспокойных соседей Руси прозвали как бы не за цвет волос, и не факт, что они вели кочевой образ жизни в его классическом понимании. В конце концов, у них имелись города, те же Сугров и Шарукань. Возможно, это были зимники, то есть города сезонные.

Вообще с понятием «кочевник» в наших местах, где граница являлась «плавающей», далеко не всё однозначно. Вспомним пушкинскую «Песнь о Вещем Олеге». Отмстить неразумным хазарам (а северная граница их расселения проходила по белгородчине) Олег собирался, обрекая на меч и пожары их пашни и нивы. Откуда у хазар-кочевников пашни и нивы? Да, у половцев правит хан, но и былгинный князь Красно Солнышко, он же исторический святой Владимир Равноапостольный, в иностранных хрониках порой фигурирует как «каган Руси». Это же не означает, что Православная Русь – каганат.

Русский крестовый поход 1111 года не подавлял иную веру (к слову, о вере половцев мало что известно), не принижал «неверных», но со Христовым Именем и со знаменем Христа защищал свой народ от «иноплеменников». И никакой пристыжной для захватнических «подвигов» западных крестоносцев-завоевателей не являлся.

Агрессия Запада, составляющей частью которой явились и крестовые походы, длилась не одно столетие. Александр Невский разгромил тевтонов-крестоносцев, а, как известно, в рядах их боевого клина-«свиный» шли баварцы, швабы, датчане, англосаксы, франки и многие, многие ещё – фактически, это был средневековый вариант НАТО. Продолжается западная агрессия и по сей день. Но нет сомнения: и для современных «крестоносцев» на Руси найдётся своё бездонное Чудское озеро...

Игорь Маркин

ВЕЛИКИЙ СВЯТОЙ И ЗАСТУПНИК ФЕОДОСИЙ

27 января 1944 года в результате советской наступательной операции под Ленинградом были разгромлены немецко-фашистские войска и окончательно снята трёхлетняя блокада города. В тот же день на Марсовом поле и на кораблях Балтийского флота прогремел победный салют. Приказ Военного совета гласил: «Мужественные и стойкие граждане Ленинграда! Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы».

Блокада Ленинграда – трагическая страница Великой Отечественной войны, беспрецедентная в мировой истории по масштабам гибели и страданий населения. Поздней осенью 1942 года, когда до победного салюта было ещё далеко, для Ленинграда наступили страшные дни. Фашисты, захватив город Тихвин, перерезали единственную дорогу к Ладожскому озеру, по которой в осаждённый город шли грузы. Кольцо блокады холодной змеей сомкнулось окончательно, и перед Ленинградом разверзлась бездна катастрофы.

В один из вечеров наши военные на совещании обсуждали сложившуюся обстановку. В помещении царил сумрачный настрой. Вдруг присутствовавшие услышали голос: «Молитесь Феодосию Черниговскому, он вам поможет...». Поразительно! Откуда раздался неведомый голос? Старший по званию спросил остальных, слышал ли кто этот голос, и получил утвердительный ответ. Правда, никто из совещавшихся понятия не имел, кто такой Феодосий Черниговский.

Будущий святитель Феодосий на свет появился в тридцатые годы XVII столетия. Родился он в Малороссии в семье священника Никиты из древнего дворянского рода Полоницких-Углицких. С ранних лет мальчик испытал тяжесть условий, в которых находились православные христиане под властью католической Польши, что отразилось на его дальнейшем мировосприятии и определило путь, по которому он следовал до конца жизни.

После первоначального домашнего образования юноша продолжил учёбу в Киевской Братской коллегии. Она в то время являлась центром защиты Православия от насаждаемого иезуитского и униатского вторжения, а ректором коллегии являлся «великий столп церковный» архиепископ Лазарь (Баранович), к которому святитель Феодосий навсегда сохранил чувство сыновнего почтения. Одним из воспитанников коллегии, с кем дружил Полоницкий-Углицкий, был выдающийся духовный деятель, которого Православный мир впоследствии узнает как Симеона Полоцкого.

Окончив обучение, будущий подвижник принял постриг в Киево-Печерской Лавре с наречением имени в честь основателя Лавры преподобного Феодосия. Вскоре одарённого инока поставили на архиерейское служение в Софийский киевский собор. Ища молитвенного подвига, он вынужден был нести обязанности наместника митрополичьего дома и постоянно сталкиваться с мирской суетой. Но, склонный к созерцательному безмолвному иноческому житию, молодой монах вскоре покидает Киев и поселяется в небольшом Крутицком монастыре под Батурином. В 1662 году Феодосий назначается игуменом Корсунской обители, через два года его переводят в разорённый польскими униатами и католиками древний Киево-Выдубицкий монастырь. Со временем Феодосий восстановил и благоустроил обитель. В монастырь начали возвращаться старые и приходят новые насельники. Дух монашеского подвижничества Феодосий поддерживал своим личным примером. Он создал монастырский хор, о котором знали даже в Москве и часто просили прислать в столицу людей из выдубицкого хора для обучения своих певцов.

Почти четверть века Феодосий управлял Выдубицкой обителью. По зависти и недоброжелательству некоторых людей ему пришлось претерпеть и скорбь, и клевету, и даже пережить временный запрет в священнослужении. Его несправедливо обвиняли в измене русскому правительству и в тайной переписке с врагами государства. Однако вскоре была доказана невиновность святого подвижника, и царь Алексей Михайлович даровал Феодосию милостивую грамоту.

В 1687 году Феодосия назначают настоятелем Елецкого Черниговского монастыря, а затем наместником архиепископа Лазаря (Барановича) по управлению делами Киевской митрополии. Архиепископ называл Феодосия «овцой стада Христова, научившейся покорности», в одном из писем он выразил искреннее желание, чтобы имя Феодосия «было написано на Небесах». Желая видеть наместника своим преемником на Черниговской кафедре, Преосвященный владыка отправил прошение Патриарху Адриану в Москву о назначении Феодосия Углицкого своим помощником. Эта просьба была удовлетворена. В сентябре 1692 года святитель Феодосий был наречен епископом Черниговским и посвящён в святительский сан.

Своё служение Феодосий нёс с большим радением о духовном благочестии, отличался заботой о людях и вызвал к себе всеобщую любовь. Он не только поддерживал и благоустроивал существующие монастыри, но и способствовал появлению новых обителей: Печеницкого женского монастыря и Любецкого скита. Феодосий принимал участие во многих важных церковных делах. К примеру, он имел право решающего голоса в избрании Киевского митрополита. С известием об этом избрании в составе делегации Феодосий отправился в Москву.

Фактическим результатом поездки стало воссоединение Киевской митрополии с Русской Православной Церковью. Предложенную Москвой кандидатуру митрополита Киевского одобрил Константинопольский Патриархат, и с тех пор все Киевские митрополиты избирались в Москве. Принимал Феодосий участие и в составлении Соборного ответа Московскому Патриарху об отношении Киевской митрополии к Флорентийскому Собору. Для обсуждения этого вопроса он прибыл в Москву вместе со святителем Димитрием Ростовским.

Ко Господу святитель Феодосий преставился 5 (18) февраля 1696 года и был погребён в Борисоглебском соборе Чернигова в специально сооружённом склепе. Сразу после его преставления последовали случаи чудесной помощи по молитвам святому. Вот лишь один из них. Однажды Преосвященный Иоанн (Максимович) заболел горячкой. Он усиленно молился святителю Феодосию об исцелении. Вечером архиепископу явился святой и сказал: «Служи завтра, и будешь здоров». На следующее утро владыка Иоанн отслужил литургию, после чего совершенно исцелился. В благодарность за это чудо он написал особенную «похвалу» святому, а также благоустроил его склеп.

Первое обретение мощей святителя Феодосия произошло в 1772 году – его останки обнаружили нетленными. Однако канонизация состоялась лишь в 1896 году: определением Святейшего Синода святитель Феодосий Черниговский был причислен к лику святых, а сами мощи торжественно перенесены в Спасо-Преображенский собор Чернигова.

После революции 1917 года Черниговский губернский съезд Советов постановил мощи Феодосия открыть и освидетельствовать в присутствии врачей и священнослужителей. Мощи оказались в хорошей сохранности, и медики не смогли дать нужного властям заключения. Тогда мощи святителя намеревались выставить в местном этнографическом музее, но этому воспротивились верующие. Повторное освидетельствование с участием московских врачей тоже оказалось невразумительным. Мощи отправили в Москву, откуда они перекочевали в Ленинград. В городе на Неве мощи поместили в Казанский собор – на тот момент музей религии и атеизма. Здесь ими занимались врачи-атеисты, а потом о мощах просто забыли.

И вот в 1942 году святые мощи Феодосия Черниговского о себе напомнили... Услышав неизвестный голос во время совещания, военные доложили о происшествии высшему начальству, после чего обратились к митрополиту Алексию (Симанскому), будущему Святейшему Патриарху. Владыка пояснил, кто такой святитель Феодосий, и добавил, что, если он дал подобное указание, значит, для спасения Ленинграда нужно ему молиться. Но сначала необходимо вернуть Церкви его святые

мощи. Вскоре было получено разрешение И.В. Сталина, и мощи святителя Феодосия перенесли в Николо-Богоявленский собор, где перед ними отслужили торжественную службу.

Той же ночью ударил мороз. По льду Ладоги из блокадного Ленинграда стали вывозить истощённых от голода детей, женщин, стариков и раненых красноармейцев. В город же завозили оружие, боеприпасы и продукты. Ленинград жил и боролся, хотя немцы нещадно бомбили проложенную по льду Ладожского озера «Дорогу жизни». Верующие же называли её «дорогой святителя Феодосия», а самого святителя стали особо почитать в Ленинграде.

На следующий год после Великой победы Святейший Патриарх Алексий распорядился подготовить документы для переноса мощей святителя Феодосия из Ленинграда в Чернигов, куда их и привезли осенью 1946 года. Игуменя Черниговского Елецкого монастыря Амвросия вспоминала: «Это было всенародное празднество. В тот день служили три литургии. С тех пор мощи святителя постоянно находятся в нашем городе. Сколько чудес совершается по его молитвам!.. И сегодня к мощам святителя Феодосия постоянно идет поток православных людей, люди молятся святому и получают помощь».

В 1962 году обитель закрыли, а мощи святителя опустили в подвал Троицкого собора. И только через двадцать два года, после того как Троицкий собор стал кафедральным, мощи Феодосия Черниговского подняли из-под спуда и перенесли в собор. И поныне они почивают там возле правого клироса, по понедельникам и четвергам у святых мощей читается акафист.

Память святителя Феодосия Черниговского чтится и в Николо-Богоявленском соборе Петербурга – один из приделов его нижнего храма посвящён этому святому. Возносится молитва, читаются акафисты святителю Феодосию, явившему свою милость в тяжкие дни блокады.

О ДЕЯНИЯХ СВЯТЫХ АЛЕКСАНДРА И ДИМИТРИЯ

Особо скажем теперь о тех, кто являл **пример воинской святости в истории Руси**. А таких было и есть в нашем Отечестве немало. Быть героем на поле битвы – и при этом вести благочестивую жизнь. Совершать воинские подвиги – и регулярно молиться. Охранять границы Руси – и строить храмы. Русская Земля издавна была славна ратным духом и молитвенным усердием своих сынов. Нередко случалось и так, что подвиги на поле брани и подвиги во славу Божию переплетались в жизни одного человека. Воинов, наиболее преуспевших не только в защите Родины, но и в угождении Богу мы и почитаем в лике святых.

Имя жившего в XIII веке **святого благоверного князя Александра Невского** ассоциируется с подвигами военными, но также он был и тонким дипломатом, и в трудные времена сумел сохранить на Руси Православие.

Князь Александр родился в 1220 году в городе Переславле-Залесском. Отец его Ярослав был младшим сыном Всеволода III Большое Гнездо. В 1227 году князь Ярослав по просьбе новгородцев стал княжить в Новгороде Великом. Он взял с собою сыновей, Феодора и Александра.

В это грозное время на Русь с востока шли монгольские орды, с запада надвигались рыцарские полчища. И тогда Промысел Божий воздвиг на спасение Руси святого князя Александра – великого воина-молитвенника, подвижника и строителя Земли Русской. Веру отцов и родную землю князь Александр защищал с юных лет. В 1235 году, когда было ему всего пятнадцать, он как воин участвовал с отцом в сражении против немцев и вместе с войском одержал победу на реке Эмайыги (территория современной Эстонии, бассейн реки Нарва). Брак в 1239 году девятнадцатилетнего Александра с шестнадцатилетней дочерью Полоцкого князя Брячислава Александрой (Параскевой) – образованной, владевшей несколькими языками – способствовал укреплению сил славян перед лицом врага, ведь Полоцку, как и Новгороду, угрожали крестоносцы.

В XIII веке Русь подверглась ударам с трёх сторон: католического Запада, монголо-татар и Литвы. Александр Невский, за всю жизнь не проигравший ни одной битвы, проявил талант полководца и дипломата, заключив мир с наиболее сильным (но при этом более веротерпимым) врагом – Ордой – и отразил нападение немцев, одновременно защитив Православие от католической экспансии.

Города русские тогда сильно пострадали от нашествия хана Батия, и этим воспользовался шведский король Эрих, пославший в 1240 году на Русь многочисленное войско с кораблями под командованием своего зятя Биргера. Силы казались неравными: у Александра Ярославича была лишь небольшая дружина, которую он пополнил новгородцами. Не мог помочь своему сыну и Ярослав, который княжил тогда в Киеве. Перед походом Александр попросил небесного заступничества у Господа, Его Пречистой Матери и святых благоверных князей Бориса и Глеба. Молитвы

были услышаны, святые мученики Борис и Глеб явились в видении воину Пелугию (в крещении Филиппу), и воодушевленный князь Александр немедля сразился с врагом. Шведы растерялись от внезапного нападения и, несмотря на численное превосходство, потеряв лучших своих воинов, бежали. Эта известная в истории битва на реке Неве произошла в 1240 году, после чего люди стали называть Александра Ярославича Невским. Выигравшему сражение князю не было тогда и двадцати лет...

После этих событий Александр оставил на время Великий Новгород и княжил в Переславле. Но с запада на Русь надвинулись ливонцы, они завладели Псковом и частью новгородских земель. Обеспокоенные новгородцы попросили князя вернуться. Александр Невский, вернувшись, не просто освободил Псков, но пошёл с войском дальше на Ливонию и опустошил её, а в 1242 году в великой сече на льду Чудского озера его войско разгромило Тевтонский орден. Знаменитое это сражение получило название Ледового побоища.

Победы над шведскими и немецкими войсками предотвратили на некоторое время угрозу для Руси с Запада, но на Востоке она по-прежнему существовала в виде монголо-татар. В 1242 году князь Ярослав Всеволодович, получив благословение митрополита Кирилла, с сыном Александром Ярославичем выехал в Орду, чтобы сделать татар своими союзниками. Эта дипломатическая миссия, как назвали бы её сегодня, растянулась на долгие годы, а в один из таких походов в 1246 году князь Ярослава отправили. Несмотря на это с Ордой нужно было уживаться, проявляя мудрость и терпение. Князь Александр поддержал Сартака – ставшего христианином сына хана Батия, и вместе с братом князем Андреем они отправились из Орды в Каракорум – столицу монголов, где пробыл до 1250 года.

Некоторые русские князья искали заступничества от монголо-татар у Европы, вели переговоры с римским папой. Папские послы хотели прельстить и Александра Невского, но он остался верен Православной Церкви и не принял унию. Это решение не понравилось католической Европе, а потому случились немецкие походы в 1253 и 1262 годах против Руси, которые были отражены. А в 1256 году русские сами пошли походом на шведов, которые стремились завладеть финским побережьем.

В Орду князь Александр ездил несколько раз: в 1252 году, чтобы предупредить татарское нашествие из-за восстания русских городов против татар; в 1256-м – заверить о мирных отношениях, когда отравили Сартака, и Ордой стал управлять хан Берке; в 1262-м – умиловать хана в связи с мятежом против татар в русских городах. Александру Ярославичу удалось сохранить мир, но в Великий Новгород из последней поездки он уже не вернулся. В дороге князь занемог и, чувствуя близкую кончину, принял в одном из монастырей близ Владимира постриг с именем Алексей. Его земной путь завершился в 1263 году. Димитрий Ростовский пишет, что митрополит Кирилл видел ангелов Божиих, вознесших на Небо душу благоверного князя Александра, а первое чудо описывается на девятый день после кончины в момент погребения Александра Невского, когда ему в руку захотели вложить разрешительную молитву, а он, словно живой, сам протянул свою руку. Стараниями благоверного князя на наших землях сохранилась Православная Вера как основа русской государственности, как выверенный веками путь спасения души.

Алексей Чирков. Родина Александра Невского.

Нетленные мощи благоверного князя Александра Невского обрели спустя 120 лет. Это событие связывают с победой в сражении с татарами на реке Дон войска московского князя Димитрия Донского. Святой Александр Невский не раз являл заступничество многим русским князьям и царям.

Решение об общецерковном почитании святого князя Александра было принято в 1547 году. В XIV веке Русская Православная Церковь канонизировала благоверного князя Александра Невского. Имя защитника рубежей России и покровителя воинов известно далеко за пределами нашей Родины. Свидетельство тому – многочисленные храмы, посвящённые святому Александру Невскому.

Как защитника Отечества прославляем мы и святого благоверного князя **Димитрия Донского**, воспевая его победы над монголо-татарами: поход 1376 году на Волжскую Булгарию, битвы на реке Воже в 1378 году и на поле Куликовом в 1380-м. Это были первые победы над врагом, около полутора столетий терзавшим Русь. Битва на Воже показала, что восточного недруга можно и нужно побеждать. Русский народ понял, что появился вождь, способный начать борьбу с Ордой – князь Димитрий.

Куликовская и Вожская битвы – это не только противостояние войск и оружия, но противостояние вер и мировоззрений. Именно так понимали и ощущали это наши русские предки, да и их враги тоже. Историческая победа в Куликовской битве и роль в ней великого князя – важное основание для его канонизации, и не единственное. В сознание потомков святой Димитрий вошёл, прежде всего, как великий полководец. При этом его государственная деятельность собирателя Русской Земли («держателя» – так у летописца) как бы отошла на второй план. А между тем, не решив эту задачу, он не смог бы вывести на Куликово поле общерусское войско, оказавшееся способным разгромить орды Мамаю.

С начала своего правления Димитрий Иванович объявил решительную войну не только отдельным, как теперь

говорят, «суверенным» удельным князьям – противникам единения, но и всей удельной системе. Презрев ханский ярлык на великое княжение, выданный Дмитрию Константиновичу, он прогнал его из Владимира и посадил своим присяжным в Суздале. Выслал князей Стародубского и Галицкого из их наследственных городов, обязал Константина Ростовского быть в полной зависимости от Москвы. Заключил в 1364 году договор со своим двоюродным братом Владимиром Серпуховским, поставив его в подчинённое положение. В 1367 году усмирив князя Нижегородского. В последовательном укреплении единой державы великий князь опирался на поддержку святителя Алексея Московского и преподобного Сергия Радонежского. Особенно тяжело далось подчинение Рязани и Твери. Михаил Александрович Тверской объявил настоящую войну Димитрию. Объединяясь против Москвы то с Литвой, то с Ордой, он много зла принёс нашей земле и много крови пролил. Впоследствии благодаря мудрой политике князя Димитрия и помощи его духовных наставников и Тверь, и Рязань признали старшинство Москвы.

Бесценная заслуга святого Димитрия – учреждение нового порядка престолонаследия, когда после смерти московского князя власть стала переходить к его старшему сыну, а не к самому старшему в роду князю, как было прежде, что рождало бесконечные споры и столкновения. После Куликовской битвы стало очевидно: народ поддержал политику Московского князя Димитрия на централизацию власти и борьбу с удельным сепаратизмом. Кровь русских воинов, обильно пролитая на поле Куликовом, укрепила в сознании уроженцев всех земель и княжеств идею русского единства, способствовала формированию великорусской нации.

Окончание на стр. 20

Всю свою жизнь Дмитрий Донской провёл с оружием в руках, отдал все свои силы укреплению и единению Русской Земли, принесся себя в жертву ради Отчества. Великий князь явил и личный пример благочестивой жизни в миру. «Воспитан же был он в благочестии и славе, с наставлениями душеполезными, и с младенческих лет возлюбил Бога», – говорится в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича». Далее «Слово...» даёт такую характеристику Дмитрию-отроку: «Ещё юн был он годами, но духовным предавался делам, праздных бесед не вёл и непристойных слов не любил, и злонравных людей избегал, а с добродетельными всегда беседовал, Божественное писание всегда со умилением слушал и о церквах Божиих имел большое попечение». И это неудивительно, ведь воспитателем осиротевшего в девять лет князя был святой митрополит Алексей. Так что с самой юности княжич был приобщён к среде русского подвижничества, пребывал в духовной атмосфере, созданной преподобным Сергием Радонежским и его учениками. На все свои дела – ратные, политические и гражданские – великий князь брал благословение Церкви. В качестве важнейшей черты Дмитрия Донского древний книжник выделяет необыкновенную любовь к Богу: «С Богом всё творящий и за Него борющийся... Царским саном облечённый, жил он по-ангельски, постился и снова вставал на молитву и в такой благости всегда пребывал. Тленное тело имея, жил он жизнью безплотных...».

Не так часто русские князья были учредителями новой церковной традиции. Святому Дими-

трию мы обязаны появлением в церковном календаре двух особых дат: дня обретения мощей благоверного князя Александра Невского и Дмитриевской родительской субботой. Последняя была установлена в память воинов, положивших души за други своя на поле Куликовом. В русскую историю великий князь вошёл и как активный храмоздатель. Многие соборы и монастыри, основанные им – памятники боевых подвигов нашего народа и высоты его духа.

Среди примеров личного благочестия святого Дмитрия один выделим особо. Его брак с княжной Евдокией – образец святой христианской семьи на все времена. Этот пример оказался особенно важен для Руси, где долгое время не было идеала христианской семьи и единственным образцом благочестия считалось монашество. Ведь первая русская святая чета – Пётр и Феврония Муромские – были канонизированы только в середине XVI века.

Знаком Воли Господней стало почитание Дмитрия Донского как святого избранника Божия: сначала в Москве, а потом повсеместно по России началось прославление князя. Вскоре после его кончины были написаны «Похвальное слово», текст которого вошёл в состав русских летописей, и «Слово о житии и преставлении...». Этот историко-литературный памятник специалисты признают одним из самых вдохновенных и поэтичных в XIV-XV веках.

Русские святые воины для нас – пример и воинской доблести, и святости в жизни земной. Будем не только помнить, но и носить в сердце подвиги наших предков-святых воинов. Они передали нам великую державу, которую на протяжении веков не раз пытались покорить «надменные соседи».

По тексту Библиотеки Макаренко НСК

Максим Фаюстов. На поле Куликовом. (2010 г.)

ДЕРЖИСЬ, КАПИТАН

В Москве, в Русаковской больнице, где находятся дети, изуверенные фашистами, лежит Гриша Филатов. Ему четырнадцать лет. Мать у него колхозница, отец на фронте.

Когда немцы ворвались в село Лутохино, ребята спрятались. Но вскоре хватились, что Гриши Филатова нигде нет.

Его нашли потом красноармейцы в чужой избе, недалеко от дома, где жил председатель сельсовета Суханов. Гриша был в беспамятстве. Из глубокой раны на ноге хлестала кровь.

Никто не понимал, каким образом он попал к немцам. Ведь сперва и он ушёл со всеми в лесок за прудом. Что же заставило его вернуться? Это так и осталось непонятым.

Как-то в воскресенье лутохинские ребята приехали в Москву, чтобы проведать Гришу. Навестить своего капитана отправились четыре форварда из школьной футбольной команды «Восход», вместе с которыми ещё этим летом Гриша составлял знаменитую пятёрку нападения. Сам капитан играл в центре. Слева от него был юркий Коля Швырёв, любивший в игре подолгу водить мяч своими цепкими ногами, за что его и звали Крючкотвором. По правую руку от капитана играл сутулый и вихлястый Ерёмка Пасекин, которого дразнили «Ерёмка-позёмка, дуй низом по полю» за то, что он бегал, низко пригнувшись и волоча ноги. На левом краю действовал быстрый, точный, сообразительный Костя Вельский, снискавший прозвище «Ястребок». На другом краю нападения мотался долговязый и дурашливый Савка Голопятов по кличке «Балалайка». Он вечно попадал в положение офсайда – «вне игры», и команда по его милости получала от судьбы штрафные удары.

Вместе с мальчиками увязалась в Москву и Варя Суханова, не в меру любопытная девчонка, таскавшаяся на все матчи и громче всех хлопавшая, когда выигрывал «Восход». Прошлой весной она своими руками вышла на голубой футболке капитана знак команды «Восход» – жёлтый полукруг над линейкой и растопыренные розовые лучи во все стороны.

Ребята заранее списались с главным врачом, заручились особым пропуском, и им разрешили навестить раненого капитана.

В больнице пахло, как пахнет во всех больницах, чем-то едким, тревожным, специально докторским. И сразу захотелось говорить шёпотом... Чистота была такая, что ребята, теснясь, долго скребли подошвы о резиновый половочок и никак не могли решиться ступить с него на сверкающий линолеум коридора. Потом на них надели белые халаты с тесёмками. Все сделались схожими между собой, и почему-то неловко глядеть друг на друга. «Прямо не то пекари, не то аптекари», – не удержался, сострил Савка.

– Ну, и не бренчи тут зря, – строгим шёпотом остановил его Костя Ястребок. – Нашёл тоже место, Балалайка!

Их ввели в светлую комнату. На окнах и тумбах стояли цветы. Но казалось, что и цветы пахнут аптекой. Ребята осторожно присели на скамьи, выкрашенные белой эмалевой краской. Только один Коля остался читать наклеенные на стене «Правила для посетителей».

Скоро докторица, а может быть, сестра, тоже вся в белом, ввела Гришу. На капитане был длинный больничный халат. И, стуча костылями, Гриша ещё неумело подсакивал на одной ноге, поджав, как показалось ребятам, другую

* * *

*Майор привёз мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
ему зачтутся эти десять дней.
Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.*

*Отцу казалось, что надёжней места
отныне в мире для ребёнка нет.
Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
прижав к груди заснувшую игрушку,
седой мальчишка на лафете спал.*

*Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть ещё другие,
что я там был, и мне пора домой...
Ты это горе знаешь понаслышке,
а нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
домой прийти не сможет до конца.*

*Я должен видеть теми же глазами,
которыми я плакал там, в пыли,
как тот мальчишка возвратится с нами
и поцелует горсть своей земли.
За всё, чем мы с тобою дорожили,
призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
а там, где отнят у мальчишки он.*

Константин Симонов

Продолжение на стр. 22-23

под халат. Увидев друзей, он не улыбнулся, только покраснел и кивнул им как-то очень устало своей накоротко стриженной головой. Ребята поднялись и, заходя друг другу за спину, стучаясь плечами, стали протягивать ему руки.

– Здравствуй, Гриша, – проговорил Костя, – это мы к тебе приехали.

Капитан подавил вздох и откашлялся, глядя в пол. Никогда так не здоровались с ним прежде. Бывало: «Здорово, Гришка!» А теперь очень уж вежливы стали, как чужие. И тихие какие-то больно, недели халаты... посетители!..

Докторица попросила не утомлять Гришу, не шуметь особенно и сама ушла. Ребята проводили её беспомощными взглядами, потом расселись. Никто не знал, что надо сперва сказать.

– Ну как? – спросил Костя.

– Да ничего, – ответил капитан.

– Вот приехали к тебе...

– Хорошо.

– И я с ними, – виновато проговорила Варя.

– Прицепилась, как колючка, ну и никак не отстает, – пояснил Ерёмка.

– Как? Болит? – кивнув на халат Гриши, спросил строго Коля Крючковтор.

– Нечему уж болеть, – хмуро ответил капитан и откинул полу халата.

Варя тихонько ахнула.

– Эх ты, совсем напрочь! – не выдержал Ерёмка.

– Что ж ты думал, обратно пришьют? – сказал капитан, запахивая халат. – Заражение вышло. Пришлось хирургически.

– Это как же они тебя так? – осторожно спросил Костя.

– Как... очень просто. Поймали. Велели говорить, кто в партизаны пошёл. А я говорю: «Не знаю». Ну, они тогда завели меня в избу, где прежде Чуваловы жили, и шпагатом к столу прикрутили. А потом один взял ножовку да как начал ногу мне... После я уже не в состоянии стал...

– Даже выше коленки, – сокрушённо проговорил Костя.

– А не всё равно – выше, ниже... одно уж.

– Ну, всё-таки...

– А когда резали, слышал? – спросил любопытный Коля.

– Это на операции-то? Нет. Прочухался, слышу – только чешется. Я туда рукой цоп, а там уж нет ничего.

– Эх, заразы! – сказал, яростно ударив себя кулаком по колену, Савка. – Знаешь, Гришка, как ты тогда без полной памяти был, чего они у нас понаделали!

Костя Ястребок незаметно ткнул кулаком в спину Савки:

– Савка, забыл, что тебе говорили? Вот, на самом деле – Балалайка!

– А я ничего такого не говорю.

– Ну, и молчи.

– А энта, другая, ходит? – деловито осведомился Коля, указав на здоровую ногу капитана.

– Ходит.

Все помолчали. На улице выглянуло солнце, неуверенно зашло за облако, опять показалось словно уж более окрепшим, и Варя почувствовала

ла на щеке его нежное весеннее тепло. Закричали вороны в больничном парке, сорвавшись с голых веток. И в комнате так посветлело, будто все тени смахнуло крылами унесшейся за окном стаи.

– Красиво у тебя тут, – промолвил Ерёмка, оглядывая комнату. – Обстановка.

Снова немного помолчали. Слышно было, как долбят за стеклом железный подоконник редкие мартовские капли.

– А занятия опять уже идут? – спросил капитан.

– У нас уже всё идет нормально.

– По алгебре до чего уж дошли?

– Примеры решаем на уравнение с двумя неизвестными.

– Эх, – вздохнул капитан, – нагонять-то мне сколько!..

– Ты только от нас не отставай на второй год, – сказал Ястребок.

– Мы тебе, знаешь, всё объясним, – подхватила Варя, – это нетрудно, правда, истинный кувшинчик! Только сперва кажется. Там только значения подставлять надо под понятия, и всё.

– А мы теперь, как немцы школу подождли, в бане занимаемся, – рассказал Ерёмка. – Савка недавно у нас на переменке как брякнет в кадку с водой! А его как раз к доске вызвали. Такого ему жару математик задал, что он даже обсох сразу!

Все засмеялись. Капитан тоже улыбнулся. И стало легче. Но на этот раз всё дело испортил Ерёмка.

– А у нас, – сказал он, – на пустыре, где косогор, тоже сухо почти. Снег сошёл... Мы уже тренироваться начали.

Капитан болезненно нахмурился. Костя ущипнул Ерёмку за локоть. Все сердито смотрели на проговорившегося.

– Кого же теперь на центре поставите? – спросил капитан.

– Да, верно, Петьку Журавлёва.

– Конечно, того уж удара у него сроду не будет, как твой, – поспешил добавить Ерёмка.

– Нет, ничего. Он может. Вы только за ним глядите, чтоб не заводился... А чего ж он сам не приехал?

– Да он занятый сегодня, – быстро ответил Костя и соврал: просто ребята не взяли с собой Петьку Журавлёва, чтоб капитан не расстраивался, видя, что его уже заменили.

– А я тебе чего привёз! – вдруг вспомнил Коля, хитро посмотрел на всех и вытащил из кармана что-то на красной ленточке. – На!.. дарю тебе навовсе. Это железный крест, настоящий, немецкий.

– И я такой же тебе привёз, – сказал Ерёмка.

– Ах ты!.. А я думал, у меня одного, – сокрушённо

проговорил Костя, тоже вынимая из кармана немецкий орден.

Савка тоже полез было в карман, но подумал, вытащил из кармана пустую руку и отмахнулся: «У нас их столько немцы покидали! Как им двинули наши, так они побросали всё».

– А я тебе книжку! – И Варя застенчиво протянула капитану свой подарок. – «Из жизни замечательных людей». Интересная, не оторвёшься, истинный кувшинчик!

– Ух, чуть не забыл! – воскликнул Савка. – Тебе Васька-хромой кланялся.

– Са-а-вва!.. – только и мог простонать Костя.

– Ну, и ты Ваське кланяйся, – угрюмо отозвался капитан. – Скажи: Гришка-хромой обратно поклон шлёт, понял?

– Ну, нам время идти, – заторопился Костя, – а то на поезд не поспеем. Народу много.

Толпясь вокруг капитана, молча совали ему руки. И каждому казалось, что самого главного, ради чего и приехали, так и не сказали. Коля Крючковтор вдруг спросил:

– А как же ты тогда на улице оказался? Ты ведь вперёд с нами, в лесу сидел. Куда же ты пошел?

– Значит, надо было, – отрывисто ответил капитан.

– Ну, счастливо тебе! Скорей управляйся тут да приезжай.

– Ладно...

И они ушли, неловко потолкавшись в дверях и оглядываясь на Гришу. Столько собирались к капитану, а так и не поговорили... ушли.

Он остался один. Тихо и пусто стало вокруг. Большая сосулька ударила о подоконник снаружи и, разбившись, загремела вниз, оставив влажный след на железе. Прошла минута, другая. Неожиданно вернулась Варя.

– Здравствуй ещё раз. Я тут платок свой не позабыла?

Капитан стоял, отвернувшись к стене. Худые плечи его, подпёртые костылями, вздрагивали.

– Гриня, ты что?.. Болит у тебя, да?

Он замотал головой, не оборачиваясь. Она пошла к нему:

– Гриня, думаешь, я не знаю, зачем ты тогда обратно из лесу пошёл?

– Ну, и ладно, знай себе на здоровье! Чего ты знаешь?

– Знаю, всё знаю, Гринька. Ты тогда думал, что мы с мамой в сельсовете остались, не успели... Это ты из-за меня, Гринька.

У него запылали уши.

– Ещё что скажешь?

– И скажу!

– Знаешь, так помалкивай себе в платочек, – буркнул он в стенку.

– А я вот не буду помалкивать! Думаешь, мне самое важное, сколько у тебя ног? У тёлки у нашей – вон, их целых четыре, а что за радость! И не спорь лучше. Я тебя, Гриня, всё равно сроду одного не кину на свете. И занятия нагоним, только приезжай скорей, поправляйся. И на пруд пойдём, где музыка.

– С хромым-то ходить не больно интересная картина...

– Дурной ты! А мы с тобой на лодке поедem, в лодке и незаметно будет. Я веток наломаю, кругом тебя украшу, и поедem мы по-над самым берегом, мимо всего народа, я грести стану...

– Это почему же обязательно ты? – Он даже повернулся к ней разом.

– Ты же раненый.

– Кажется, грести-то я пошибче тебя могу.

И они долго спорили, кто умеет лучше грести, кому сидеть на руле и как вернее править – кормовиком или вёслами. Наконец Варя вспомнила, что её ждут. Она встала, выпрямилась и вдруг схватила обеими руками руку капитана и, плотно зажмурившись, сжала её изо всех сил в своих ладонях.

– Прощай, Гриня! Приезжай скорее... – прошептала она, не открывая глаз, и сама оттолкнула его руку.

На улице её ждали четверо.

Ну как, отыскала платочек? – начал было насмешливо Савка, но Костя Ястребок грозно шагнул к нему: «Только брякни что-нибудь...».

А капитан вернулся в свою палату, поставил у койки костыли, лёг и раскрыл книжку, которую подарила ему Варя. Бросилось в глаза место, обведённое синим карандашом.

«Лорд Байрон, – читал капитан, – оставшийся с детства на всю жизнь хромым, тем не менее, пользовался в обществе огромным успехом и славой. Он был неутомимым путешественником, бесстрашным наездником, искусным боксёром и выдающимся пловцом...».

Капитан перечитал это место три раза подряд, потом положил книгу на тумбочку, повернулся лицом к стене и принялся мечтать.

Лев Кассиль

ЧУДНЫЙ ОБРАЗ БОГОМАТЕРИ

18 февраля – празднование в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших». В Сретенском храме Печерской обители есть этот образ, и он имеет свою историю. Появление его в монастыре связано со старцем архимандритом Иоанном (Крестьянкиным).

Вскоре после прихода в обитель в 1967 году отец Иоанн серьёзно заболел, силы покинули его, он пожелтел и таял на глазах. Его пособоровали и причащали ежедневно, но улучшения не наступало... Монастырь молился о болящем. В один из самых критических дней навестить батюшку пришёл отец наместник. Ударив посохом по полу и пристально вглядываясь в больного, он произнёс: «Ты что, отец Иоанн, умирать собрался? Нет, дорогой, ты нам ещё нужен. Нет, нет, не умрёшь. Поживёшь, потрудишься».

А вечером батюшка уловил за дверью келии какое-то движение. В дверь легонько постучали, и он, собрав все силы, ответил: «Войдите». Прошло некоторое время, пока искали ключ, пока неумело орудовали им в замочной скважине. Наконец открылась дверь, и батюшка увидел большой образ Царицы Небесной, входящий в его келию. Это была икона «Взыскание погибших». Батюшка был потрясён. Больше он ничего и никого не видел от избытка переполнивших его чувств.

Позднее отцу Иоанну объяснили, что икону привезли ему в дар из Касимова. Она из разорённого женского монастыря была спрятана в домике монахини, которая ежедневно прочитывала перед ней акафист. Умирая, монахиня завещала икону «Взыскание погибших» отцу Иоанну. После этого события отец Иоанн начал поправляться и скоро был уже в строю.

А икона Матери Божией «Взыскание погибших» ознаменовала свой приход в монастырь ещё одним чудом.

Под праздник в честь этого образа, 17 февраля, в Сретенском храме была торжественная служба. Икона Матери Божией стояла в центре храма. Служба завершилась, уже читали Первый час, когда из-под пола в храм начали врываться клубы дыма. Внизу, под

Сретенским храмом, хранились бочки с краской, и тлевшие промасленные тряпки воспламенились. Случись это даже на полчаса позднее, когда все ушли бы из храма, пожар был бы неминуем. Так Мать Божия спасла обитель от беды.

*Из книги Т.С. Смирновой
«Память сердца»*

Дорогие братья и сестры!

*Просим пожертвовать на оштукатуривание стен храма
во имя святителя Антония (Смирницкого).*

*Ваши пожертвования направляйте по реквизитам, указанным ниже.
Имена жертвователей будут поминаться на проскомидии.*

Протоиерей Николай Бабич

**МРО ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД ХРАМА ВО ИМЯ СВ. АНТОНИЯ (СМИРНИЦКОГО),
АРХИЕП. ВОРОНЕЖСКОГО И ЗАДОНСКОГО г. ВОРОНЕЖА**

**Реквизиты: ИНН 3665045857, КПП 366501001, р/с 40703810600510003141 в Филиале
«Центральный» Банка ВТБ (ПАО) в г. Москве. К/с 30101810145250000411, БИК 044525411
Либо на карту СБЕРБАНКА 5469 1300 1724 1736 (привязана к тел. 8-951-860-40-40)**

С вопросами и предложениями можно обращаться к протоиерею Николаю Бабичу:
тел.: +7 (951) 860-40-40, Viber: +7-951-860-40-40, ВКонтакте: vk.com/snt.antonius,
Telegram: @NikolaiBabich.

Адрес храма и редакции: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А.

E-mail: Snt-Antonius@yandex.ru.

Электронная версия «Вестника» доступна по адресу: www.snt-antonius.ru

Учредитель, издатель – Местная религиозная организация православный Приход храма во имя свт. Антония (Смирницкого), архиеп. Воронежского и Задонского г. Воронежа религиозной организации «Воронежская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)». Адрес издателя: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А

Редакционная коллегия:
протоиерей Николай Бабич, Римма Лютая
Главный редактор: Бабич Николай Николаевич,
протоиерей. +7 (951) 860-40-40
Выпускающий редактор, ответственный
секретарь, корректор:
Римма Лютая. +7 (960) 115-69-06

Редактор отдела истории и краеведения: Игорь Маркин
Дизайн, макет, вёрстка: Наталья Назаренко
Отпечатано: АО «Воронежская областная типография –
издательство им. Е.А. Болховитинова»,
г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73А.
Тираж: 999 экземпляров. Заказ: № 000.
Дата выхода издания в свет: 20.03.2024 г.

Издаётся на средства
и трудами благотворителей.

Не используйте наше издание
в хозяйственных целях.
Цена: бесплатно.
Распространяется за пожертвование.

0+